

В. Д. Лесев

География
подвига

ГЕОГРАФИЯ ПОДВИГА

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЛБРУС»
НАЛЫЧИК · 1989**

63.3(2)722

9(С)27

Л501

В. Д. Лесев в книге «География подвига» рассказывает о судьбах студентов, выпускников и преподавателей Кабардино-Балкарского государственного педагогического института (ныне КБГУ) в годы Великой Отечественной войны.

Редактор О. Л. Опрышико

Л 1305010000-046
М 125 (03)-89 10·89

ISBN 5-7680-0125-5

© Издательство «Эльбрус», 1989 г.

НА КРЫМСКОМ ФРОНТЕ

В начале пятидесятых годов по указанию Министерства просвещения РСФСР из Нальчика в Южно-Сахалинск направляется для организации там педагогического института доцент П. А. Лебедев, многие годы работавший директором нашего пединститута. Примерно в то же время пришла разнарядка на направление туда же четырех директоров школ, и состоялся предварительный разговор об этом представителя Минпроса республики с Андреем Поликарповичем Атапиным. Поначалу предложение ему не понравилось и показалось даже обидным «При чем здесь я? — думал он. — Разве нет поможе? Да и здоровье уже пошаливает...» За плечами была война, несколько тяжелых ранений, трудности восстановительного периода, прежде временено начавшиеся болезни. Но после недолгих раздумий предложение он принял, и в 1954 году получил назначение на должность директора средней школы в небольшом шахтерском городке Вахрушев.

— В то время мы часто бывали в Южно-Сахалинске,— вспоминала Вера Федоровна Бугровская, супруга Андрея Поликарповича.— И не было такого случая, чтобы на улицах города не встретили кого-то из наших земляков. Но однажды произошла встреча, которая заставила заново пережить годы юности,войной опаленной.

А. П. Атапин

Случилось это в 1956 году. Учебный год еще не начался. Мы отдыхали у друзей в Южно-Сахалинске. В один из дней я увидела, что навстречу мне по улице идет очень знакомый человек с следами тяжелых ранений на лице. Не узнать его я не могла, хотя с того дня как мы расстались прошло пятнадцать лет. Я сразу поня-

ла, что и он меня узнал, ведь в годы учебы в пединституте этот человек был моим неизменным партнером по танцам. Но вел себя странно и стремился пройти мимо. Тревога у меня учащенно забилось сердце: «Неужели он избегает встреч с друзьями? И я не выдержала, громко вдруг выкрикнула: «Ашот!» Он грустно взглянул на меня, протянул обе руки, и я тут же поняла, что человек этот уже после войны, когда вернулись фронтовики, заново ощутил страдания, неся на себе тяжкие следы ранения, до сих пор узнаваемости изменившие черты его лица.

— Представляешь? — заговорил он. — Рвался на Сахалин и был уверен в том, что вряд ли встретятся мои знакомые на этом далеком острове. С такой личностью входил в класс к учащимся у меня не хватило места. Я сменил специальность, оставил ме-

где помнили студента Ашота Саркисянца, и уже начал осваиваться, как вдруг эта встреча. Знаешь, сейчас даже жаль, что военные медики вернули мне жизнь...

Вера Федоровна применила все свое искусство, чтобы увести разговор от нежелательного направления, и буквально насилино «затащила» Ашота Айрапетовича к себе домой. Андрей Поликарпович искренне обрадовался встрече. Ведь им было о чём вспомнить...

Они вместе учились на историческом факультете Кабардино-Балкарского пединститута. Весть о войне пришла, когда они перешли на четвертый курс. Для тех, кому предстояло идти в армию, были устроены государственные экзамены, выданы дипломы о высшем образовании. Дальше предстоял экзамен войны. В конце июля 1941 года несколькими группами их направили во второе Орджоникидзевское военно-пехотное училище. Личный состав училища находился на летних лагерных сборах в районе Сочи, поэтому пришлось ехать туда. Из института вместе с Атапинными и Саркисянцем в Сочи тогда были: Эрзих Алхасов, Виктор Байтуганов, Карабльби Дзагов, Буба и Мухамед Кардановы, Демосфен Ликов, Виктор Мартынов, Иван Ткачук, Сергей Хвостенко. С авторским экземпляром своего первого стихотворного сборника, только что вышедшего в свет, прибыл в училище молодой кабардинский поэт Алим Кешоков.

Из лиц с высшим и незаконченным высшим образованием была сформирована 13-я рота, срок подготовки командиров в которой составлял три месяца. Помощником командира

А. А. Саркисянц

3-го взвода этой роты курсантов было из нашего пединститута, где большинство, назначили Эрлиха Алласова. Он уже имел опыт армейской службы и звание старшего сержанта.

Для тех, кто в предвоенные годы учился на педрафаке и в пединституте, имя Эрлиха тесно связывалось с организацией студенческого досуга. Обладая незаурядным музыкальным даром, имея достаточное специальное образование и организаторский талант, он сумел создать студенческий духовой оркестр, который пользовался большим успехом не только у молодежи вуза, но и города. Оркестр сопровождал студентов и преподавателей на демонстрациях и в торжественных шествиях, под его аккомпанемент выступали участники художественной самодеятельности и конечно же проводились вечера танцев, которые в ту пору были особо популярны. Вот на них и познакомились Бутровская и Саркисянц. На вечерах ребята блестали исполнительским мастерством. Как это было давно...

Потом им вспомнилось, как из училища на фронт уходил курсантский батальон, в котором служили Буба Карданов, Виктор Марты-

нов, Иван Ткачук и другие. 1 ноября 1941 года курсантам 13-й роты было присвоено звание лейтенантов, и вскоре большую группу молодых командиров направили в распоряжение Управления кадров Северо-Кавказского военного округа. Оттуда лейтенанты Э. Ш. Алхасов, А. П. Атапин, Д. С. Ликов, А. А. Саркисянц, С. Г. Хвостенко и другие получили назначение во вновь формируемую 320-ю стрелковую дивизию.

Пока шло формирование дивизии нашими войсками, была подготовлена и проведена Керченско-Феодосийская десантная операция, в результате которой части Красной Армии продвинулись на 100—110 километров от восточного побережья Керченского полуострова и овладели важными пунктами — городами Керчь и Феодосия.

15 января 1942 года противник предпринял контрнаступление и вынудил наши войска отойти на Ак-Монайские позиции. В Крым направлялись резервы. Именно тогда, в феврале, 320-я стрелковая дивизия вошла в состав 51-й армии, которая занимала оборону на правом фланге Крымского фронта и сдерживала врага, рвущегося к Турецкому валу и Керчи.

Несколько раз довелось встретиться в те дни друзьям по учебе в институте Ашоту Саркисянцу и Демосфену Ликову. Они служили в одном, 476-м, стрелковом полку, и до событий, которые развернулись позже, знали, что находятся рядом. Сергей Хвостенко командовал стрелковой ротой в 478-м стрелковом полку. Андрей Атапин и Эрлих Алхасов служили в 481-м полку этой же дивизии. С

Андрей Саркисянц. Спасением его занимались многие хирурги тыловых госпиталей и сумели сохранить ему жизнь.

Примерно в те же дни взвод лейтенанта А. П. Атапина участвовал в разведке боем. Выяснялась система артиллерийской обороны противника. Когда последовала команда на отход, кто-то заметил, что на нейтральной полосе остался командир. Пока его вытащили, пока эвакуировали в тыл, он потерял много крови. Задержка случилась и в Тамани, где скопилось немало раненых. Больше полугода пришлось провести в госпиталях Андрею Поликарповичу, но в строй все же вернулся. Спустя годы выяснилось, что за мужество, проявленное в боях на Крымском фронте, лейтенант Атапин был награжден орденом Красной Звезды.

А через неделю после ранения А. А. Саркисянца, отбивая вражескую атаку на Ак-Монайских позициях, смертью храбрых пал заместитель командира стрелковой роты 481-го полка 320-й стрелковой дивизии Эрлих Шабатеевич Алхасов.

Во второй половине апреля на Крымском фронте установилось относительное затишье. Потеплело. В первых числах мая подсохли

Э. Ш. Алхасов

С. Г. Хвостенко

проводилась разведка и уточнение огневых средств нашей обороны. Участились случаи проведения разведки боем.

7 мая 1942 года на участке 478-го стрелкового полка 320-й стрелковой дивизии противник совершил огневой налет, и в атаку пошло до роты автоматчиков. Главный удар пришелся по переднему краю стрелковой роты лейтенанта Сергея Григорьевича Хвостенко. Во время этого боя при взрыве снаряда он получил тяжелые ранения, и его пришлось эвакуировать в тыл.

Впоследствии Сергей Григорьевич писал: «В госпитале даже врачи не могли сосчитать, сколько осколков оказалось в моем теле. Некоторые из них ношу до сих пор. Ранение оказалось столь серьезным, что на фронт путь был заказан. Поэтому с сентября 1944 года и до Дня Победы находился на 2-м Украин-

дороге, проветривались окопы и блиндажи. Наши войска, сосредоточенные восточнее Ак-Монайского перешейка, начали подготовку к новой наступательной операции. Затянувшейся передышкой воспользовалось гитлеровское командование. На Керченский полуостров скрытно стягивались силы с других участков. Продолжалась разведка и уточнение огневых средств нашей обороны. Участились случаи проведения разведки боем.

ском фронте в должности инспектора учета по содержанию в лагерях немецких военнопленных. Недолго работал в органах внутренних дел, а затем, до ухода на пенсию, учительствовал».

Утром 8 мая противник нанес удар по левому флангу Крымского фронта и вынудил наши войска отходить. Ожесточенные бои на Керченском полуострове шли до 15 мая, но нашим войскам так и не удалось сдержать вражеское наступление. Уже после войны, в Кисловодске, встретился А. А. Саркисянц с Д. С. Ликовым. Выяснил, что Демосфен Степанович вернулся в школу, его имя хорошо известно в педагогических кругах.

Самому Андрею Поликарповичу Атапину после госпиталя довелось вернуться на фронт, принимать участие в боях конца 1943 года, когда наши войска отражали вражеский контрудар под Киевом, освобождать Правобережную Украину. Во время наступления в Винницкой области получил сквозное пулевое ранение в локтевой сустав. А до конца войны Атапину пришлось еще раз побывать по ранению в госпитале. Потом опять воевал и был награжден еще одним орденом Красной Звезды.

Долго вспоминали в тот вечер в Южно-Сахалинске друзья события минувшей войны, учебу в училище, Крымский фронт и родной Нальчик. Слишком много забрала у них война и слишком тяжелый след оставила в их памяти.

ОТЧИЗНЕ — СТИХ И ПОДВИГ

Впервые о Борисе Таове сообщил Хатау Кешоков, который писал: «Мне стало известно, что коллектив университета решил увековечить память о воспитанниках вуза, не вернувшихся с войны. Прошу включить в эти списки имена еще двух выпускников института. Это — Адам Темиркалович Кешоков, который после окончания литературного отделения учительского института некоторое время работал в школе селения Кепже. Оттуда был призван в армию. Учился в Брянском военно-политическом училище. Воевал. В 1943 году погиб. И его большой друг студенческих лет — Борис Хамшатович Таов. Мне помнится, что в годы войны кто-то рассказывал о его гибели на фронте». К письму прилагались две фотографии молодых людей в военной форме и копия горестного извещения о судьбе Адама Кешокова.

Позже, в связи с подготовкой к открытию памятника, когда шла проверка собранных сведений, был направлен запрос в Архив Министерства обороны СССР. Ответ гласил следующее: «Младший лейтенант Таов Борис Хамшатович, 1914 года рождения, оперуполномоченный особого отдела НКВД 35-й танковой бригады, умер после тяжелого ранения 18 августа 1942 года».

Так имя Бориса Таова появилось на мемориальной доске памятника, воздвигнутого рядом со зданием Кабардино-Балкарского государственного университета в ознаменование 30-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне.

В конце лета 1975 года в газете «Кабардино-Балкарская правда» была опубликована статья «К штыку приравняв перо» старшего научного сотрудника Центрального Государственного архива КБАССР Жанны Кулиевой. «Среди тех (членов Союза писателей Кабардино-Балкарии), — говорилось в статье, — кто не вернулся с поля боя, талантливый поэт Борис Таов. Его первый сборник был издан Кабардино-Балкарским госиздатом в начале 1941 года. Он сражался в рядах защитников Москвы и пал смертью храбрых».

Мне подумалось, что поэт и воспитанник нашего учительского института — одно и то же лицо. Стоило только узнать отчество поэта. Звоню в архив. Прошу к телефону Кулиеву и слышу:

— Вы знаете, материалы к статье я брала из Справки Союза писателей республики, подписавшей Хачимом Тевуновым, но отчества Бориса Таова в ней нет.

Еду в архив и знакомлюсь со справкой. «Таов Борис, 1917 года рождения, талантливый кабардинский поэт, погиб в 1941 году, защищая Москву».

Не совпадает год рождения и год гибели. Звоню Хачиму Тевунову.

— Да, да! — отвечает он. — Борис Таов — студент института и поэт. Еще до института он начал печататься в периодической печати.

Говорю ему о том, что не сходятся некоторые сведения Союза писателей с данными Архива Министерства обороны СССР и читаю справку архива. Он молчит, а потом с сомнением заключает:

— А может быть, действительно было два

Б. Х. Таов

к Адаму Шогенцукову и показываю ему фотографию «нашего» Бориса Таова.

— Это поэт,— говорит он.— Мы с ним почти одновременно начали писать. Если память не изменяет, то его первые стихи были опубликованы в газете. В 1938 году нас, молодых поэтов, пригласили в Союз писателей и предложили сдать для готовящегося к изданию сборника свои стихи. Тогда началась работа над сборником молодых поэтов Кабарды, который увидел свет в 1939 году. Носил этот сборник красочное и символическое название: «Цветем!». Говорят, идея этого названия принадлежала Али Шогенцукову. Он немало труда приложил к тому, чтобы стихи Бориса Таова, Барасби Бекулова, Хапачи Каширгова, мои и других молодых поэтов обрели нужное звучание. Сборник стал не

Бориса Таова? Насколько я помню, поэт не имел никакого отношения к войскам НКВД. Лучше всего обратиться за уточнением к Хапаче Каширгову. Это самый близкий друг Бориса Таова. Он может внести ясность. Живет он в Герменчике...

Звоню в Герменчик и узнаю, что Каширгов отдыхает в Кисловодске. Иду

только нашей первой книгой, но и послужил основой к тому, чтобы его авторы стали членами Союза писателей. К сожалению, сборник этот — библиографическая редкость, и, по-моему, в республике его не найти. Борис Таов, несомненно, был одним из самых одаренных кабардинских поэтов. Задолго до начала войны его направили то ли в военно-политическое училище, то ли в училище войск НКВД.

Адам Шогенцуков отверг, таким образом, мысль о том, что было два Бориса Таова. Но, как и следовало ожидать, наиболее подробно рассказал о довоенной жизни поэта его друг — писатель Хапача Каширгов.

В один из осенних дней выбрался я в Герменчик. Меня встретил высокий, с крупными чертами лица и выразительным взглядом мужчина. Седина давно выбелила его шевелюру. Молча пожав мне руку и стремясь определить, где мы могли раньше встречаться, он очень внимательно окинул меня взглядом и без слов жестом пригласил в дом. И когда мы уселись в его рабочем кабинете, я изложил цель визита и попросил его рассказать о Борисе Таове. Медленно, будто заглядывая в глубь истории, повел Хапача Хамашевич свой рассказ.

— Удивительное время — начало тридцатых годов. Ликвидация неграмотности и колхозификация. Кругом нужны кадры. На учете каждый мало-мальски владеющий грамотой. И если при этом человек обладал природной смекалкой, умел другому вразумительно втолковать, что к чему, его направляли на курсы, а потом либо в школу, либо на партийно-про-

светительную работу. Мы с Борисом жили по соседству. Я хорошо знал их семью. Случилось так, что нас почти одновременно послали работать в Герменчикскую школу. Тогда школа совсем не была похожа на нынешнюю. Что там говорить! Многое держалось на энергии и энтузиазме учителей. В те годы Борис проявил себя настоящим патриотом своего дела. Он был создан для педагогического труда. К нему тянулись ученики. Им было интересно с этим, налету схватывающую самую сердцевину секрета работы с детьми человеком. Неистощимый на выдумки, остроумный, веселый, он весь отдавался делу и не только учителствовал, но и вел работу пионервожатого школы, и помогал в становлении колхоза, и вкладывал свой труд в колхозное производство...

Мой собеседник умолк, ненадолго задумался, а потом продолжил:

— Видимо, в те годы и рождались элементы творчества. Нам приходилось заниматься организацией влеклассной работы, проводить вечера, пионерские сборы, выступать перед тружениками села, участвовать в импревизированных концертах. Нужна была большая выдумка. И, наверное, наши первые литературные опыты вызывались требованиям жизни. То в литературном монтаже что-то не клеилось, то для газеты требовалось стихотворение на злободневную тему, то к праздничному вечеру не было подходящего материала. А там поступал заказ от колхоза. Муки творчества начинались с переделки известных стихов, потом шли подражания, а заканчивались все собственными произведениями

Иногда получались довольно удачные экспромты.

Как-то случилось, что о наших поэтических опытах заговорили и посоветовали послать стихи в республиканскую газету. Там с нами и познакомился Али Шогенцуков. Конечно, если бы не он, никто из нас, молодых, тогда не смог бы сделать свой первый шаг в литературу. Этот замечательный поэт был учителем и наставником целого поколения литераторов. Он читал и перечитывал каждую строчку наших творений. Беседовал по поводу каждого стихотворения, посылаемого в газету, указывал, где следовало бы подправить, что опустить. Иногда подсказывал разумную замену не только отдельных слов, но и целых строк. После такой «шлифовки» стихотворения наши обретали глубину, большую стройность, лучшее звучание. И когда мы увидели первые наши стихи в республиканской газете, радости нашей не было границ...

Как дорогую реликвию юности Хашача Камашевич сохранил небольшую газетную вырезку со своими первыми стихами и с нескрываемой гордостью показал ее мне.

Из дальнейшего рассказа выяснилось, что, когда Таов стал студентом стационара, а Каширков поступил на заочное отделение, их сотрудничество с газетой стало еще более активным. Тогда же по инициативе Али Шогенцукова и были собраны стихи молодых поэтов Кабарды. Любимым поэтом Бориса Таова был Маяковский. Ему хотелось походить на него.

В 1939 году поэтический сборник вышел в свет. Как самому способному и успешему

сделать больше других, Борису Таову в сборнике отводилось главное место. Его политическая и гражданская лирика представлена была стихотворениями о Владимире Ильине Ленине и Сергее Мироновиче Кирове, о революционном Октябре и радостном Первомае, о родной республике и комсомоле, о делах и душах молодежи.

Поэтому так случилось, что со временем сборник «Цветем!» принесли полностью Борису Таову и почти забыли об остальных авторах. Отдельного сборника стихов он так и не успел выпустить. В период фашистской оккупации в республике были уничтожены многие книги, и среди них книга «Цветем!», ставшая библиографической редкостью.

— После окончания учительского института, — продолжал Хапача Хамашевич, — мы расстались с Борисом. В воздухе пахло грозой надвигавшейся войны. Он ощущал это остро, своих сверстников, поэтому стремился туда где считал, что будет всего нужнее. Так ока зался он сначала слушателем военно-политического училища (если мне память не изменяет, где-то в Средней Азии), а затем участни ком войны. Думаю, что воевал он так же мужественно, как жил, трудился и творил.

К моему огорчению, кроме нескольких фотографий того периода, никаких документов о Борисе Таове не сохранилось. Хотелось бы увидеть наш первый сборник стихов. Он ведь не только свидетель нашей юности, но верный друг и надежный спутник. Он привнес в литературу.

...В конце июля 1942 года началось пр ведение Ржевско-Сычевской операции. Зб

танковая бригада шла в ударной группе войск Калининского фронта к Ржеву. На подступах к городу противник оказал яростное сопротивление. В этих боях младший лейтенант Борис Хамшатович Таов получил ранение и скончался в госпитале 18 августа 1942 года.

В городском сквере города Старица на Волге высится обелиск воинам Калининского фронта, отдавшим жизнь за освобождение тверской земли. Среди имен героев, занесенных на его плиты, есть имя и нашего земляка, поэта и воина Бориса Хамшатовича Таова.

ПОКА БЬЕТСЯ СЕРДЦЕ

Среди писем, которые я получил после выхода в свет книги «Долг памяти», пришло письмо и от учителя истории Жемталинской средней школы Муаеда Литовича Казнева.

«...Как жаль, — писал он, — что с таким опозданием мы узнаем о судьбах тех, кого уже нет рядом с нами. С неизерదаваемым волнением читал о том, как воевал и трудился Василий Степанович Калмыков. А ведь в 1939 году мы вместе с ним уходили на службу в Красную Армию. Я хорошо помню, что тогда из Кабардино-Балкарии в Архангельск прибыли братья Генераловы, Калмыков, Ликов, Петроченко, Пивоваров, Чередниченко и другие. Службу мы начинали в 88-й стрелковой дивизии. И только теперь из Вашей книги удалось узнать о судьбах Калмыкова и Петроченко. После войны ни с кем из них не встречался. Война и фронтовые ранения пастыри Василия Степановича уже

в мирное время. Что Вам известно о других?»...

И тогда мне вспомнился последний разговор с Калмыковым о братьях Генераловых. После окончания учительского института в Нальчике они получили направление на работу в среднюю школу № 1 села Гнаденбург (теперь Виноградное), в ту пору относящегося к Курискому району КБАССР. Федор Семенович Генералов стал директором школы и вел литературу. Его младший брат, Василий, преподавал математику.

Но работать пришлось недолго. Осенью 1939 года состоялись торжественные проводы молодых учителей на службу в армию.

О том, как им служилось, что пережито в годы войны, красноречиво рассказывают письма Федора Семеновича, присланные из Ростова-на-Дону, где он теперь живет.

«...Наш путь до Архангельска,— сообщал он,— был веселым и шумным. Никто и предполагать не мог, что ждет нас в ближайшем будущем, какие события предстоят. Мы были молоды, физически закалены, горячо и искренне любили свою землю. Поэтому служба нам представлялась как святой долг перед Родиной...»

Вместе с братом их зачислили рядовыми пехотинцами в одну роту 112-го стрелкового полка 88-й стрелковой дивизии. В соседний полк направили Калмыкова. Петроценко стал связистом. С первых дней службы началась напряженная боевая учеба. С большим трудом южане привыкали к сильным морозам.

За несколько дней до начала Великой Отечественной войны Федора Семеновича Ге-

нералова вместе с группой добровольцев, изъявивших желание поступить в военные училища, направили в штаб дивизии. Там их и застала весть о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. Естественно, каждый из несостоявшихся курсантов тут же заявил, что желает вернуться в свое подразделение, чтобы быть отправленным на фронт.

Но это оказалось нелегким делом, и выполнить его стоило немалых трудов. У них уже на руках были документы на отправку в Котлас, а дивизия спешным порядком грузилась на станции Обозерской и двигалась в Карелию.

Только благодаря энергичным действиям лейтенанта Пенькова, на попечении которого находилась их команда, был отменен приказ о направлении в Котлас, и они отправились на фронт вслед за дивизией. На станции Лоухи стало известно о том, что после разгрузки и короткого марша полки дивизии вступили в бои, которые велись с 3 июля 1941 года километрах в десяти к западу от железной дороги.

Используя свое превосходство в живой силе и технике, фашистские горноегерские части потеснили наши войска, захватили Кестеньгу и чуть ли не вплотную подошли к Кировской железной дороге, жизненно важной артерии, связывающей Мурманск и объекты Кольского полуострова с нашим глубоким тылом.

«...Я до сих пор удивляюсь,— рассказывал в письме Федор Семенович Генералов,— как в той довольно сложной обстановке наш лейтенант Пеньков вел на фронт свою команду, у

Ф. С. Генералов

ком. В тех боях смертью храбрых пал Василий Семенович Генералов, погибли многие бойцы и командиры. Но врагу так и не удалось прорваться к Кировской железной дороге.

В начале августа 1941 года, получив ранение, Федор Семенович Генералов выбыл из госпиталя в город Кировск. А когда он вылечился, снова последовало предложение направления на учебу, хотя теперь не в училище, а на армейские краткосрочные курсы командного состава. Окончив курсы, вернулся Федор Семенович в свою дивизию младшим лейтенантом. Надеялся на то, что придется участвовать в активных наступательных операциях. Но надеждам его не суждено было сбыться.

Почти три года обороны в Карелии бы-

кой которой не было даже личного оружия. Теперь, спустя годы, мне думается, что мы страшно рисковали. Ведь один вражеский автоматчик, а их несколько групп было в настыл, мог пленить или перестрелять несостоявшихся курсантов...» И все же они вышли к своей дивизии, получили оружие и стойко сражались с наступавшим противни-

самым малоподвижным участком всего огромного советско-германского фронта. Крупных боевых операций не проводилось. Главное внимание уделялось дорогам и прилегающей к ним местности, где противник мог осуществить маневр.

В сентябре 1944 года наши войска перешли в наступление и 17 сентября вышли на до-военную границу с Финляндией. А через два дня пришло радостное сообщение, что с Финляндией подписано перемирие, и она вышла из войны. Федор Семенович Генералов о последующих событиях писал: «...к концу сорок четвертого года нас отвели в тыл, и, грешным делом, многие начали поговаривать о своих мирных профессиях. Еще большую реальность в этих разговорах мы почувствовали, когда погрузились в эшелоны, которые отправлялись в глубь страны, а не на советско-германский фронт. Нам уже казалось, что везли нас для расформирования и демобилизации. Но проехали Урал, проехали Сибирь, а остановки не было. Лишь позже мы поняли, что рано начали думать об окончании войны. День Победы встретили на Дальнем Востоке»...

Довелось лейтенанту Ф. С. Генералову в составе Первого Дальневосточного фронта принимать участие в разгроме Квантунской армии милитаристской Японии, побывать в Китае и Корее. Только в 1946 году демобилизовался он. Приехал к родителям в Ростов-на-Дону, да так и остался там и до ухода на пенсию учительствовал и выполнял нелегкие обязанности завуча средней школы № 26.

В заключение хочу привести слова одного из последних писем Федора Семеновича:

«...Кроме Калмыкова, которого случайно встретил в Ростовском госпитале, никого из тех ребят, с которыми ехал на службу в Архангельск, так больше и не встречал. Война нас разбросала и не всех пощадила. Но уверен в одном: те, которые уцелели, пройдя этот суровый экзамен, сохранили верность благородной учительской профессии. Нет, не очерствели их души в пламени сражений. И, пока бьется сердце учителя-фронтовика, нет для него выше долга, нежели вырастить воспитать каждого ученика гражданином патриотом, горячо любящим свою Родину. Нет для ветеранов минувшей войны награды выше, чем такой дорогой ценой добытыми мир».

РАДИ МИРА НА ЗЕМЛЕ...

Долгие годы заведовал университетской фотолабораторией Владимир Владимирович Мликьянц. Когда мы начинали поисковую работу по сбору материалов о воспитанниках ветеранах Великой Отечественной войны, мне не раз приходилось обращаться к нему за помощью. Он снимал фотокопии фронтовых писем, вырезок из газет, наградных документов, извещений о гибели. Фотографировал встречи ветеранов. Задания выполнял с большим старанием. Когда накопило уже довольно значительное количество фотографических документов, он вдруг обратился ко мне:

— А знаете, мой отец тоже учился в нашем вузе. Только на заочном отделении. Я об этом говорю не для того, чтобы его как-то в

делить. А хочу напомнить о том, что среди отобранных материалов нет ни одного дневника фронтовика. А у нас дома хранятся дневниковые записи отца. Может быть, мне принести их Вам для ознакомления?

Что я мог ответить Меликьянцу? Конечно же, обязательно принести! И через несколько дней он передал мне несколько тетрадок, пожелтевших от времени, исписанных убористым и красивым почерком. Знакомство с их содержанием убедило меня в том, что автор дневника был человеком одаренным, прирожденным педагогом, горячо любящим Родину.

До призыва в армию учителяствовал Владимир Иванович Меликянц в школе селения Черная Речка. Осенью 1941 года службу проходил в запасном полку в станице Ленинградской Краснодарского края. О дальнейшем красноречиво рассказывают дневниковые записи.

Накануне праздника Великого Октября: «...Пришло письмо от жены. Она пишет, что наши учителя послали к празднику подарки на Южный фронт: 11 кг масла, 44 кг сыра, 48 кисетов с табаком, 250 конвертов с бумагой

В. И. Меликянц

гой, 100 карандашей, 50 кусков туалетного мыла, 100 носовых платочков. Получилась увесистая посылка. И это только по инициативе учителей нашей маленькой школы! Вся страна воюет...

15 декабря 1941 года. Учеба окончена. Погрузились в эшелон. Путь на фронт.

16 декабря. Батайск. Видны следы бомбежек. Под откосом разбитые вагоны, паровоз вверх колесами.

17 декабря. Станция Лихая. Тяжелое впечатление произвели разбитые санитарные вагоны и разрушенные здания у вокзала. У четырехэтажного дома отвалился угол с частью стены. Межэтажные перегородки в некоторых квартирах обрушились. Торчат присыпанные мусором и снегом кровати, валяется перевернутая мебель. Сколько лет строили люди себе жилища, обставляли их! И вошли явились, фашистские варвары. Уничтожили все, что создано кропотливым и упорным трудом людей. Сердце наполняется ненавистью к этим негодяям.

20 декабря. Прибыли в Москву. Полк наш разместили в городке Метростроя на станции Перово. Мы получили теплое обмундирование, новое оружие и продолжилась боева-учеба...

7 января 1942 года. Вчера вечером нас цементировали. Командир роты объявил, что наш полк вошел в состав прославленной Г-й гвардейской Московской мотострелковой дивизии. Мы получили высокое звание гвардеец, которое предстояло оправдать в боях. С пламенной речью обратился к нам политрук. Потом начался наш ночной поход по Москве.

Шли мимо дома Наркомзема. В этом доме получал я стипендию, когда учился на курсах нормировщиков в Тимирязевской академии. Московские улицы были целы. Ни одного поврежденного взрывами бомб здания я не видел. Тревоги бывали, но самолетов вражеских так нам и не довелось видеть...

[Без даты] Из Химок нас направили на Северо-Западный фронт. Мы прибыли в район озера Ильмень, когда шли ожесточенные бои под Старой Руссой. Здесь мы получили «крешение» под свинцовым дождем, здесь полегли многие мои однополчане...

25 января роту отвели в тыл и направили на заготовку леса для строительства подъездных дорог. Валили лес, носили его к местам, где сооружались объезды. К концу дня случилась беда. При обрубке ветвей кто-то смахнул рукавицы Меликьянца с пенька. Их затоптали. Нашлась только правая. А тут построение и ускоренный марш на передовую. Пришел приказ наступать. Меликьянц нес голой рукой коробку с дисками к ручному пулемету и не заметил, как мороз прихватил руку.

15 февраля 1942 года. Кострома... Много событий произошло в моей жизни за этот срок,— читаем в дневнике.— На следующий день, несмотря на обморожение, с забинтованной рукой я участвовал в бою. Полк наш наступал в направлении трех небольших деревушек. Деревню, на которую наступала наша рота, нам удалось отбить только к ночи. Задание было выполнено. Но не без потерь. Погибли веселый чуваши Степанов и маленький, очень скромный черкес Лахов. Рашило Вознюка, Литовкина, Дербенева, Любашкина,

командира роты и многих других. Моей руке стало хуже. Пузыри полопались, повязка промокла, и рука вторично начала замерзать. После боя я доложил об этом лейтенанту Аверину, и он меня отправил в госпиталь. Так я оказался в Костроме...

[Без даты] Соликамск.. Месяц врачи боролись за мою руку. И все же им пришлось ампутировать четыре пальца на левой руке. Пальцев лишился. Но все же воевать я еще способен. Могу стрелять из револьвера метать гранаты и даже действовать с винтовкой. Стрелять смогу и буду!..»

Да, не мог не действовать Владимир Меликьянц. Он попытался писать стихи, выступать с ними на страницах городской газеты, перед ранеными и школьниками. В ту пору родились проникнутые духом высокого патристизма строки «Кабардинской колыбельной» о подвиге Гастелло, «Заявления» и другие. Отдельные стихи были опубликованы в газете «Социалистическая Кабардино-Балкарья под рубрикой «Стихи фронтовиков».

Но стремление вернуться в строй заставляло Меликьянича тренироваться в преодолении полосы препятствий и метании гранаты. Благо госпиталь в Соликамске располагался здании школы, и под окнами находился спортивный городок. Ходил он к военруку школы, выпрашивал по несколько патронов в глубокой тайне от товарищей по пала: учился метко стрелять.

Недалеко от госпиталя находилась земля подсобного хозяйства. В начале мая шеф прислали трактор. Тракторист намеревался уже начать пахоту, когда к нему подошли

Меликъянц. Потом в дневнике появилась запись: «...Я очень просил его проверить свои силы, и он не смог мне отказать. С волнением сел за штурвал трактора. Отбил первую борозду, и не особенно навилял. Потом поддел плугом пенек. Трактор запыхтел, рванулся, и трухлявый пенек, развернув гору земли, рассыпался на несколько частей. Значит, могу! Вспомнил события десятилетней давности. Как быстро бежит время! Ведь совсем недавно я, вихрастый и чумазый мальчишка, садился на трактор и считал себя самым счастливым человеком в мире. Думал, техника — моя стихия. Но, когда после учительских курсов, зашел в класс, увидел десятки любознательных, пытливых, веселых и грустных детских глаз, понял: мое призвание — школа. Четыре года — мало это или много? Обучил несколько сот ребят. Из них уже многие самостоятельно строят свою жизнь и сражаются на фронтах войны. Нет, сейчас мое место там, где идет бой!»

Но заключение врачебной комиссии было окончательным: «...по состоянию здоровья признать красноармейца Меликъянца Владимира Ивановича непригодным для дальнейшего прохождения службы в армии».

С тяжелым чувством покидал он Соликамский госпиталь. Рухнула последняя надежда попасть на фронт. С большими трудностями в конце июля сорок второго года добрался он до Черной Речки. А тут развернулись события, активным участником которых суждено было стать и Владимиру Меликъянцу.

Фронт все ближе продвигался к Кабардино-Балкарии. Готовились к схватке с нена-

вистными захватчиками формируемые по решению Кабардино-Балкарского обкома партии партизанские отряды. Одна из баз Прохладненского партизанского отряда находилась в лесу в районе Черной Речки. Партизаны подбирали надежных людей, которые хорошо знали условия местности, могли выполнять задания по сбору информации, передавать ее командованию, быть проводниками. Определялись возможные явки.

В одну из августовских ночей учитель Меликьянц был приглашен к командиру Прохладненского отряда. Разговор шел о его прежней работе в Нижнехуламской школе, о тропах, по которым доводилось ему водить ребят в походы и на экскурсии, об особенностях местности, о знакомых по Верхнекурпской школе. В конце беседы ему было предложено помочь провести отряд, если потребует обстановка, в Урванские леса. А пока оставаться в Черной Речке, подбирать людей для работы в подполье. Владимир Иванович решил, что другой такой возможности ему больше не представится, и обратился с просьбой зачислить его в партизанский отряд. Трудно теперь восстановить подробности этого разговора. Но в списках Прохладненского партизанского отряда появилась фамилия Меликьяница. Вскоре был создан объединенный Кабардино-Балкарский партизанский отряд численностью в 110 человек, который принял участие в разгроме вражеского гарнизона в селении Хабаз. Около трех часов длился бой. Свыше 80 солдат и офицеров потерян противник. Партизаны уничтожили три станковых пулемета и один миномет с расчетами. В

отчете командира объединенного отряда среди 12 бойцов, особо отличившихся в налете на Хабазский гарнизон, назван и Меликьянц.

28 ноября 1942 года Прохладненский отряд совершил ночную атаку на другой вражеский гарнизон. Были подавлены три пулеметные точки, взорвано несколько домов, где находились фашистские солдаты и офицеры. «Особенно смело,— говорится в боевом донесении,— действовали в этой операции партизаны Каминский, Сычев, Фоменко, Меликьянц».

Из дневника Кабардино-Балкарского объединенного партизанского отряда: «...Наступление на сел. Лескен началось в 4 часа 5 декабря 1942 года. Первыми в село ворвались партизаны. Их поддерживали части Красной Армии. Завязался на улицах села ожесточенный бой. Враг подбросил подкрепление: бронемашины, танки и «ванюши». Наши оставили селение. Потери врага: убито 200 вражеских солдат и офицеров. Наши потери: убито 7 человек, ранено — 9. В результате боя подорваны вражеские склады с боеприпасами, горючим и продовольствием, подбито 2 танка».

Для объединенного партизанского отряда это был самый трудный бой. Мужественно вступил в схватку с танками противника партизан Меликьянц. Он лично подорвал связкой гранат один из танков, но тут же был сражен вражеской пулевой.

Приказом командующего войсками Северо-Кавказского фронта за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество партизан Кабардино-Балкарского отряда

Владимир Иванович Меликьянц посмертно награжден орденом Красного Знамени.

В дневнике его сохранилась такая запись: «...Война — это ужасное расточительство. Столько расходуется свинца, стали и меди, что можно было бы обеспечить человечество умными машинами и нужными вещами на многие годы... А крови человеческой пролито столько, что можно было бы в ней утопить Гитлера и всю его фашистскую свору...»

Но без крови нельзя было добыть Победу. И Меликьянц, не задумываясь, отдал ее до последней капли за счастье и мир для грядущих поколений.

ВЕРНОСТЬ ДЕТЯМ

После выхода в свет моей книги «Долг памяти» о судьбах воспитанников Кабардино-Балкарского пединститута — участниках Великой Отечественной войны — многие читатели прислали письма. В них личные впечатления, вопросы, предложения и даже просьбы. Одно из писем пришло из Ашхабада. Прислали его Валентина Анатольевна Говорухина — заведующая сектором науки Туркменистана АН Туркменской ССР. Нет, она не училась в нашем вузе, хотя родом из Кабардино-Балкарии.

«...Книгу прочла с огромным интересом, — сообщала Валентина Анатольевна, — и не могла не написать этого письма. Правда, для меня годы войны — это школьные годы. Видимо, поэтому так ярки впечатления предвоен-

ных лет. И перечитывая с заинтересованным вниманием страницу за страницей книги, я все ждала встречи с дорогими мне учителями. Но, к великому сожалению, встреча так и не состоялась. Быть может, их фамилии не были известны, когда шла работа над книгой. Но, поверьте, они заслуживают того, чтобы их не забыли...»

Дальше следовали известные автору письма сведения о молодых учителях, выпускниках Кабардино-Балкарского педагогического института, кому в предвоенные годы довелось работать в неполной средней школе поселка Лескенского фанерного завода, а в годы войны с оружием в руках отстаивать честь и независимость нашей Родины.

В частности, Говорухина писала: «...литературу и русский язык преподавал у нас Василий Михайлович Мищенко — талантливый педагог и прекрасной души человек. Прирожденная одаренность у него сочеталась с высоким профессионализмом. Уроки его захватывали нас и поражали обилием ярких и запоминающихся фактов из литературы. Благодаря его неутомимой деятельности, каждый из нас сердцем прикоснулся к сокровищнице мировой литературы и на всю жизнь сохранил любовь к книге. Нам памятны литературные вечера и диспуты, инсценировки по произведениям классиков, веселые походы и экскурсии. Да разве можно обо всем написать? Воспоминания о школе и любимых учителях теплом и нежностью согревают наши сердца. А их достойный пример, когда пожар войны обрушился на нашу страну, образец высокого

В. М. Мищенко

патриотизма и беззаветного служения Родине? Забыть это-го нельзя!»

Что я мог отве-тить Валентине Ана-тольевне? Действи-тельно, тогда никакими сведениями о В. М. Мищенко я не располагал. А когда после получения письма занялся по-иска-ми, то выясни-лось, что в живых его уже не было.

Но нашлись люди,

которые хорошо знали Василия Михайлови-ча, высоко ценили его боевые и трудовые заслуги, верность своему педагогическому призванию на всю жизнь. С их помощью и удалось рассказать в книге об этом человеке.

Оказывается, работая в школе, Василий Михайлович учился на заочном отделении ли-тературного факультета нашего института. В 1939 году, в связи с призывом для про-хождения срочной службы в армии, при-шлось прервать учебу. Служил радистом батальона аэродромного обслуживания снача-ла в Брянске, а потом в Шяуляе. Приближа-лась демобилизация. Мечтал он о той минуте, когда вернется к любимому делу, войдет в притихший класс и поведет за собой в пре-красный мир литературы таких внимательных и любознательных ребятишек.

Но все нарушила война. На рассвете

22 июня 1941 года их аэродром подвергся бомбардировке фашистской авиацией. В тот же день прервалась связь с командованием. Спасая уцелевшую технику и оборудование под непрерывными бомбёжками, отходили они к Даугавпилсу. Обстановка часто менялась. Приходилось обходить опасные места, куда враг забрасывал десанты, испытать горечь утрат боевых товарищей. За Полоцком, уже в Белоруссии, передали они имущество авиационному соединению, которое эвакуировалось в тыл, а сами стали пехотинцами.

Так в начале июля оказался Василий Михайлович в 186-й стрелковой дивизии, которая частью сил обороняла восточный берег Западной Двины на участке Улла — Бешенковичи. Тогда никто из них не знал, что именно на этом участке враг сосредоточил большие силы.

8 июля 1941 года передний край обороны подвергся массированному удару артиллерии и авиации, а вскоре на позиции наших воинов пошли в атаку танки. В течение дня шёл ожесточенный бой. Но слишком неравными были силы. Немецко-фашистские войска форсировали Западную Двину и через день вошли в Витебск. С боями отходили воины дивизии сначала к Великим Лукам, а позже к верховьям Волги. Пришлось испытать и окружение, и мучительный голод, и трудности длительныхочных переходов. На одном из рубежей Мищенко с тремя бойцами был оставлен для прикрытия. Им оставили станковый пулемёт и небольшой запас боеприпасов. Требовалось продержаться всего три часа, чтобы отвести измотанные в непрерывных боях остатки 290-го полка.

И они продержались. Последнюю атаку удалось отразить уже в темноте. Но боеприпасы кончились. Требовалось уходить. Ушли через болото. Трое суток добирались до своего полка.

И стал Василий Михайлович Мищенко командиром пулеметного расчета станкового пулемета 290-го стрелкового полка 186-й стрелковой дивизии. В этой должности довелось ему принимать участие в боях на Калининском фронте в трудное время, когда враг рвался к Москве.

Летом 1943 года уже на Брянском фронте участвуя в отражении мощной вражеской атаки, отличился пулеметный расчет сержанта Мищенко, и первая награда — медаль «За отвагу» была вручена командиру расчета. И вскоре произошло событие, которое сказалось на дальнейшей фронтовой биографии Василия Михайловича. Как-то на передний край пришли артиллерийские разведчики с радиостанцией, чтобы засечь огневые точки противника и вести корректировку огня. Но противник заметил их и открыл сильный орудийный и минометный огонь. Радиста ранило. Пришлое пулеметчику Мищенко вспомнить свою первую военную специальность и взять на себя обя занности радиостанции. Он, может быть, и забыл бы об этом эпизоде, если бы не разведчики. Они доложили командующему артиллерией дивизии, а вскоре последовал приказ из штаба сержанта Мищенко откомандировать для назначения на должность начальника радиостанции командующего артиллерией 186-й стрелковой дивизии.

В этой должности прошел он фронтовыми

дорогами от освобождения Белоруссии через Польшу до разгрома Восточнонемецкой группировки противника. Коммунисты штаба 186-й стрелковой дивизии оказали Василию Михайловичу высокое доверие, приняв его в члены партии.

К концу войны на груди бывшего школьного учителя сверкали ордена Отечественной войны II степени и Красной Звезды, две медали «За отвагу», медали «За боевые заслуги», «За освобождение Варшавы». О его боевом пути красноречиво рассказывают благодарности Верховного Главнокомандующего за овладение городами Старгарт, Лаусиберг, Картузы, Штеттин, портом и крепостью Гданьск (Данциг).

В семье Василия Михайловича Мищенко бережно хранят его фронтовые реликвии и с особой гордостью показывают документ, в котором говорится: «Вам, доблестному воину Красной Армии, участнику боев с немецко-фашистскими захватчиками, сражавшемуся в рядах войск 2-го Белорусского фронта... Военный Совет Северной группы вручает это благодарственное письмо, как память о Великой Отечественной войне».

Желаем Вам доброго здоровья и новых успехов в Вашей дальнейшей трудовой жизни на благо нашей великой социалистической Родины.

Главнокомандующий Северной группы войск Маршал Советского Союза К. Рокоссовский.

Член Военного Совета Северной группы войск генерал-лейтенант
20 октября 1945 года С. Шатилов».

Вернувшись после демобилизации в Нальчик, Василий Михайлович уверен был, что направят его на работу в школу. Но в городском комитете партии убедили пойти на службу в органы внутренних дел.

Среди множества проблем, вызванных войной, одна стояла очень остро. Дети-сироты из Ленинграда, Москвы и других городов, потерявшие родителей и оказавшиеся в Кабардино-Балкарии и других районах Северного Кавказа, много пережившие, беспризорничавшие и запущенные в образовательном и воспитательном плане, нуждались в срочной и серьезной помощи. Открывались детские приемники-распределители, создавалась сеть школ при детских воспитательных колониях велась огромная работа по розыску родителей и родственников беспризорных детей Требовалось опытные кадры. Это и определило послевоенную судьбу школьного учителя Василия Михайловича Мищенко. Стал он старшим инспектором отдела борьбы с детской безнадзорностью и беспризорностью Министерства внутренних дел КБАССР.

Все свои силы, весь жар своей души отдавал тому, чтобы окружить заботой и вниманием ребятишек, которые лишены были родительской ласки. Сколько писем без ответа пришлось ему направлять, сколько вопросов, связанных с детскими судьбами, решать. Гордостью и счастьем светился его взгляд когда удавалось после долгой разлуки видеть трогательную встречу родителей со своим ребенком. Не случайно одна из его воспитанниц Екатерина Часовских писала из Армавира «...Какое счастье, что такие люди есть, что

трудную минуту они готовы прийти на помощь, убедить и подсказать. И если нам удалось сделать что-то хорошее в жизни, на производстве, в школе или учреждении, где мы трудимся, то в этом частица сердца нашего замечательного учителя Василия Михайловича Минченко»...

УЧИТЕЛЬ, ПЕРЕД ИМЕНЕМ ТВОИМ...

С Верой Гавриловной Гутиевой беседовать мне довелось накануне 40-летия Победы.

— Представляете?! — взволнованно говорила она. — Как бы радовался дед, видя своих внуков, если бы он мог их сегодня видеть? Ведь они учатся в вузе, где перед самым началом войны он работал на военной кафедре. Внучка уже на четвертом курсе, а внук после службы в Советской Армии получил отличную характеристику и рекомендацию на подготовительное отделение. За их счастье отдал он свою жизнь...

Весть о войне пришла, когда Николай Матвеевич Гутиев отдыхал в доме отдыха профсоюзов в Долинске. Естественно, пришлось прервать отдых. Как офицеру запаса, ему надлежало немедленно явиться в военкомат и вскоре быть направленным в армию.

9 июля 1941 года из Тихорецка, где Гутиев проходил службу в должности командира сабельного эскадрона 36-го кавалерийского полка 47-й Кубанской казачьей кавалерийской дивизии, он писал домой: «...Со мной из Нальчика служат многие. Главное внимание уделяем боевой подготовке. Обо мне не бесп

покойтесь. Здоров и в седле! В этой войне фашисты найдут свою могилу. С каждым днем растет возмущение народных масс против фашизма. И народ должен победить. В предстоящих боях пощады врагу не дам. Буду ижинить всей мощью советского клинка...»

Вскоре дивизию направили на фронт. Она вошла в состав кавалерийской группы под командованием генерал-полковника О. И. Городовикова для рейда по тылам могилевско-смоленской группировки противника. 24 июля группа прорвалась в район западнее Бобруйска. Конники уничтожали штабы, узлы в линии связи, осуществляли налеты на охрану мостов и железнодорожных сооружений.

Благодаря массовому героизму бойцов и командиров, участников рейда по тылам противника, на время было задержано наступление вражеской группы армий «Центр». Эти трудные, в очень трудные дни для нашей страны сражались конники генерала О. И. Городовикова в тылу противника. Враг предпринимал самые решительные меры, чтобы уничтожить наших кавалеристов, теснил их в непроходимым топям, лишил возможности маневра. Многим нашим воинам не суждено было вернуться из этого героического рейда. Среди павших был и капитан Н. М. Гутиев. Их полку пришлось прикрывать отход всей группы к переправе через реку Птич.

И только через два года узнала Вера Гавриловна Гутиева подробности о гибели мужа. Об этом написал сослуживец мужа майор П. В. Завгородний: «Посылаю Вам известие о смерти Вашего мужа, а моего боевого товарища по службе. Жаль его. Но война есть

война. Ваш муж Гутнин храбро сражался с ненавистным врагом, презирая смерть и опасность. Смелый был командир и хороший товарищ. Будучи в Нальчике в конце 1941 года, я сообщил о его смерти работникам военкомата. Тяжелая утрата и для Вас и для детей. Но не печальтесь. Не Вы одна в эту войну остались без друга

жизни. Ваш муж геройски дрался и отдал свою жизнь за Родину, за то, чтоб Ваши дети и Вы жили свободной жизнью. Сочувствую Вашему горю. Майор П. В. Завгородний, 14.12.43 г.»

В извещении, выданном военкоматом, сообщалось, что капитан Н. М. Гутнин пал смертью храбрых в августе 1941 года и похоронен в белорусском селе Рожанов...

«С глубокой печалью,— писала из Волгограда Лидия Николаевна Куликова,— узнала из письма Саши Резникова о том, что наш чудесный преподаватель Аввакум Васильевич Рябов погиб в годы войны. Это был один из самых уважаемых людей нашего пединститута, скромный и благородный человек. Его занятия и практикум по русской грамматике для нас были событием. Я лично обязана ему

Н. М. Гутнин

высоким чувством языка. Он был для нас не просто педагогом, а настоящим другом. Мне думается, что именно о таком учителе когда-то так прекрасно написал Некрасов...».

Долгое время мне не удавалось выяснить детали об армейской службе и участии в боях Аввакума Васильевича Рябова, пока не пришли письма из Клина сначала от его дочери, а потом — жены.

«...Мой муж,— сообщала Екатерина Петровна Рябова,— еще в годы учебы на рабфаке, а потом в Московском государственном педагогическом институте дружил с моим братом Виктором. Кстати, Виктор Петрович Сухотин, кандидат филологических наук, доцент, заведовал кафедрой русского языка в Кабардино-Балкарском пединституте и приложил немало сил, чтобы «перетащить» Аввакума Васильевича на работу в Нальчик. Виктор Петрович — фронтовик, был ранен, после войны работал в Москве, защитил докторскую диссертацию, получил звание профессора. Несколько лет тому назад он умер.

В 1939 году Аввакум Васильевич по указанию Наркомпроса РСФСР был переведен в Нальчик и начал работать в пединституте. К сожалению, по сложившимся в то время обстоятельствам, я не смогла сразу выехать с ним, а потом вспыхнула война. Мужа призвали в армию, но в начале 1942 года по зрению его освободили от военной службы. Мы в это время с дочерью находились в эвакуации на Урале. Он нас разыскал и перевез к родным в Ивановскую область».

Дальше из письма следовало: что, когда Аввакум Васильевич вставал на военный учет

уже в Ивановской области, он скрыл, что имел освобождение от службы. Его вновь призвали. Воевал он в районе Старой Руссы. В начале ноября 1943 года на этом участке фронта развернулись наступательные бои, во время которых Рябов был ранен. Вот что говорится в извещении из 276-го медсанбата: «Рядовой

901-го стрелкового полка Рябов Аввакум Васильевич в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив геройство и мужество, был ранен и умер от ран 11 ноября 1943 года. Похоронен в 100 метрах южнее деревни Долотур Пустошненского района Калининской области»...

Совсем молодым преподавателем кафедры основ марксизма-ленинизма начинал в предвоенные годы свою педагогическую деятельность в пединституте Константин Эдуардович Горелик. Его хорошо помнят многие студенты тех лет и ветераны вуза. Впервые о том, что поддерживал с ним дружеские связи и неоднократно встречался уже после войны, рассказывал мне профессор Аскер Макарович Ашиев.

Об одной, очень неожиданной встрече с К. Э. Гореликом в годы войны писал А. А. Сар-

А. В. Рябов

кисянц: «...Нам, курсантам Второго Орджоникидзевского военно-пехотного училища, было хорошо известно, что в Первом училище служил и преподавал наш институтский преподаватель Гурген Погосович Петросян. Поэтому, когда нам присвоили лейтенантские звания и выдали комсоставскую форму, кто-то предложил нанести визит к Г. П. Петросяну и показаться ему в новенькой форме. Была первая половина ноября 1941 года. В тот год рано пришли холода. Но мы делали вид, что нам совсем не холодно. Хотелось всем показать, как красиво сидит на нас офицерское обмундирование, как лихо и молодцевато выглядят молодые лейтенанты.

Хорошо помню, что нас было пятеро: Эрлих Алхасов, Андрей Атанин, Демосфен Ликов, Сергей Хвостенко и я. Мы подошли к пропускной где-то к концу дня. У окошка, спиной к нам, стоял красноармеец и убеждал дежурного сержанта выдать ему пропуск. На вопрос: «К кому?»—он ответил: «К преподавателю училища Петросяну». Дежурный позvonил куда-то, а потом ответил, что надо немного подождать.

Я похлопал красноармейца по плечу и попросил пропустить меня к окошку. Когда красноармеец повернулся к нам, мы сразу узнали Константина Эдуардовича Горелика. Представляете нашу радость: первым из наших институтских он поздравил нас с окончанием училища и присвоением званий лейтенантов. Он поочередно обнял каждого из нас, расцеловал и высказал самые добрые желания. Все происходившее так заинтересовало дежурного, что он вышел на улицу и при-

соединился к поздравлениям нашего преподавателя, а затем быстро выписал нам всем пропуска. Вместе мы навестили Гургена Погосовича Петросяна. Там же выяснили, что Константин Эдуардович Горелик был курсантом Орджоникидзевского училища связи. А так как вскоре мы отбывали в войска, то вынуждены были рас прощаться с нашими преподавателями...»

В 1942 году, находясь в командировке в Армавире, с К. Э. Гореликом встречался бывший преподаватель педагогического института Мамедкесир Алекберзаде Алекберли.

«...Встреча была очень короткой,— писал он,— Константин Эдуардович получал назначение в войска и еще не знал, где ему доведется служить. Зато о последующих встречах мне очень хотелось бы написать. Как-то, получая назначение на работу в Черновицкий университет, я остановился в Киеве в гостинице «Червонный шлях». И вот у окошка дежурного администратора вдруг встретился с Константином Эдуардовичем Гореликом. На его груди широкой полоской разместились планки боевых наград. В руке держал он трость. Последствия фронтового ранения. Конечно, пришлось отставить все срочные дела. Мы с ним устроили вечер воспоминаний. Многое рассказывал он из своей фронтовой биографии. Ему пришлось немало пережить. Но он через всю войну пронес мечту о том, чтобы вернуться в студенческую аудиторию, увидеть сотни пытливых глаз, услышать не передаваемую прелест звонка, приглашающего на очередную лекцию.

Преодолевая невымеренные трудности, восас

тяжелого ранения он научился ходить без помощника трости, взялся и написал интересную научную работу, которая явилась основой его кандидатской диссертации. Да, из армии он демобилизовался в звании гвардии капитана.

Позже мне удалось побывать у него дома. В ту пору он уже работал на кафедре истории КПСС одного из Ленинградских технических вузов...»

Таковы судьбы трех преподавателей пединститута, которых не обошла война.

ТЮЛЬПАНЫ К МАМАЕВУ КУРГАНУ

Многие годы на моем рабочем столе стоит миниатюра копии всемирно известной скульптуры «Мать-Родина», воздвигнутой на легендарном Мамаевом кургане. Она невольно воскрешает в памяти огненные годы войны, события Сталинградской битвы, заставляет думать о тех, кто жизнью своей заплатил за победу в одном из крупнейших сражений Великой Отечественной войны. Это подарок от Елены Сергеевны Быстрыковой, выпускницы исторического факультета Кабардино-Балкарского государственного педагогического института 1939 года, проживающей в городе-герое Волгограде. А вручен он был в день, когда мы отмечали сорокалетний юбилей вуза. Надпись на сувенире гласит: «От выпускников истфака далекого тридцать девятого года, благодарных за организацию сердечной встречи».

Тогда их было трое: Елена Сергеевна Быстрыкова — инспектор Волгоградского облоно, Борис Машевич Бозиев — полковник Совет-

ской Армии и Григорий Джавадович Мирзабеков — работник Пятигорской фильмотеки горено.

Им было что вспомнить: первые встречи и знакомства с товарищами по студенческой скамье, сердечные тайны и смешные истории, маленькие хитрости по отношению к слабостям таких чудесных преподавателей, необычные ситуации на экзаменах и в жизни — ведь долгих тридцать с лишним лет не встречались! Но, о чем бы тогда они ни говорили, невольно возвращались к памяти о войне, о ненчислимых бедах, которые она принесла в каждую семью, о тех ребятах, которые остались на фронтовых дорогах. И не потому, что Елена Сергеевна прибыла на встречу из Волгограда, чаще всего в разговоре звучали слова о событиях осени сорок второго года на берегах Волги. Дело в том, что многим их товарищам от первого и до последнего выстрела довелось принимать участие в Сталинградской битве.

Только потому в качестве памятного сувенира они и преподнесли мне копию скульптуры «Мать-Родина». «...Случилось так, — писала спустя годы Елена Сергеевна, — что после нашей встречи в Нальчике мне еще роднее и ближе стала святая земля твердыни у Волги. Ведь здесь на каждом крошечном участке насмерть стояли наши товарищи по учебе... Я очень хорошо знала Ивана Левина и Петра Никитина. Они пришли на учебу в институт после службы в армии. Учились на физмате. Были образцом трудолюбия и культуры. Отличную учебу совмещали с активной общественной работой: участвовали в спортивных

И. С. Левин

стрелковой бригады. В начале сентября 1942 года, когда возникла опасность прорыва немецко-фашистских войск к Волге, 115-я отдельная стрелковая бригада вошла в состав 62-й армии и приняла участок обороны на самом правом фланге армии, в районе поселка Орловка.

28 сентября 1942 года авиация противника подвергла интенсивной бомбажке боевые порядки нашей обороны по всему обводу выступа. Не прекратились налеты и ночью. С рассветом при поддержке авиации и артиллерии перешли в наступление крупные силы пехоты и танков врага. 115-я отдельная стрелковая бригада насчитывала в своих рядах около пяти тысяч бойцов. Другие наши части были совсем малочисленными. Противник значительно превосходил численно защитни-

соревнованиях и играли в струином оркестре. Мне известно, что Ваня Левин сражался в Сталинграде...»

Да, после краткосрочных курсов командного состава во 2-м Орджоникидзевском военно-пехотном училище лейтенант И. С. Левин получил назначение на должность командира роты 4-го отдельного батальона 115-й отдельной

ков орловского выступа. Части нашей группы держались стойко и на ряде участков сумели остановить врага. Однако в течение дня противник прорвался в тыл оборонявшихся и нанес серьезный урон группе. Только в 115-й стрелковой бригаде выбыло из строя до трети личного состава. 29 сентября, отбивая вражескую атаку, смертью храбрых пал командир стрелковой роты лейтенант Иван Семенович Левин.

Товарищи по институту вспомнили, что при посещении города-героя им рассказывали историю, которая больше похожа на легенду, нежели на быль. Участником ее являлся также воспитанник нашего института Данил Асланбекович Гудов.

В Волгограде на площади Героев высится гранитная плита, на которой начертаны слова, полностью относящиеся и к воинам 351-го стрелкового полка майора И. С. Маркелова: «Железный ветер бил им в лицо, а они шли вперед, и чувство суеверного страха охватывало противника: люди ли шли в атаку, смертны ли они?»

Да, они были простыми смертными. Всего километр в районе заводов «Силикат» и «Баррикады» прошел за день наступления полк Маркелова. Тяжелораненый лейтенант доставил в штаб 308-й дивизии боевое донесение о том, что в ожесточенном рукопашном бою штурмовые группы полка достигли намеченного рубежа и закрепились на нем.

На второй день связь с полком прервалась. Противник с флангов блокировал его. Лишь 3 октября по радио была получена отрывочная информация о том, что полк ведет нерав-

ный бой южнее завода «Силикат», отражая в течение четырех часов сильные атаки пехоты и танков врага. В артиллерийской батарее уцелела всего одна пушка, и та была на одном колесе. Красноармейцы переносили ее на руках и, отбивая многочисленные атаки, экономили каждый снаряд, стремясь бить точно по цели.

Попытки пробиться к окруженному полку успехом не увенчались. Еще день и еще ночь во много раз превосходящими силами немцы атаковали позиции передовых батальонов рот. Представление о фронте и тыле смешалось. Вражеские танки и автоматы штурмовали командный пункт.

«Последнюю весть с переднего края также доставили раненые,— пишет спустя годы бывший инструктор политотдела 308-й стрелковой дивизии, журналист Михаил Ингор.— Их слов было записано, что воины майора Маркелова, до последней возможности оставая свои позиции, пали смертью храбрых. Официальный документ (боевое донесение зафиксировал гарнизон Маркелова погиб. 5 октября 308-я стрелковая дивизия под командованием Гурьева продолжала сражаться в Барикадном районе без 351-го полка».

А 6 февраля 1971 года произошла встреча участников тех событий Данила Асланбековича Гудова и Ивана Сергеевича Маркелова. Тогда и подарил командир полка Гудову свою книгу «Слава солдатская» с такой дарственной надписью: «Дорогому боевому другу, погибшему в пулеметной роте 351-го стрелкового полка, героически сражавшемуся с немецко-фашистскими захватчиками при защите гор-

да-героя Сталинграда в сентябре — октябре 1942 года, на память от однополчанина И. С. Маркелова».

До 8 октября 1942 года сражался в окруженному гарнизоне полигону пулеметной роты Д. А. Гудов, был тяжело ранен; получил ранение и командир полка. Но сопротивление их полка враг так и не смог сломить...

И еще вспомнили они о Кубати Тукове. Он был одним из первых одиннадцати выпускников Нальчикского аэроклуба.

В книге дважды Героя Советского Союза Маршала Советского Союза В. И. Чуйкова «Начало пути» рассказано о старшем лейтенанте Антоне Кузьмиче Драгане, который воевал в Сталинграде вместе с Кубати Туковым в рядах 13-й гвардейской стрелковой дивизии генерала А. И. Родимцева.

Так вот, в 1975 году, занимаясь сбором сведений о судьбе Кубати Батырбековича Тукова, я получил письмо от А. К. Драгана. Он сообщал, что, вернувшись после ранения в 13-ю гвардейскую дивизию, получил назначение во 2-й батальон 42-го гвардейского стрелкового полка.

«Была вторая половина октября, — писал он. — Батальон наш сражался в районе мельницы, «дома Павлова» и площади 9-го января. Там я и познакомился с Кубати Туковым. Это был храбрый, до конца преданный нашей Родине офицер. Не раз мы с ним оказывались в труднейших ситуациях, но он всегда оказывался на высоте и служил примером для однополчан. Так было и в тот памятный день, когда мы вынуждены были сдать еще два дома противнику»... И без того трудная об-

К. Б. Туков

становка в городе осложнялась задержкой в доставке боеприпасов, продовольствия и пополнения. Требовалось во что бы то ни стало выбить противника из этих домов. Задача разведки боем с целью уточнения размещения огневых точек врача выпала на долю группы, которую возглавлял гвардии лейтенант Кубати Туков.

Под прикрытием дымовой завесы бойцы из «дома Павлова» пересекли площадь и воорвались в один из домов. В завязавшемся бою были подавлены две огневые точки, выявлены огневые средства обороны противника. Когда задача была успешно выполнена, последовала команда на отход. «...На самом трудном участке,— писал А. Драган,— при переходе через улицу, вражеский снайпер поймал на мушку Кубати Тукова. Под ураганным огнем противника бойцы вынесли тело командира в «дом Павлова». А вечером вместе с другими погибшими воинами лейтенант К. Б. Туков был похоронен на площади, которая теперь носит имя В. И. Ленина. Случилось это 25 ноября 1942 года».

В дни Сталинградской битвы смертью храбрых пали преподаватель педагогического института Сергей

Иванович Нешта и выпускник сорок первого года Иван Сергеев. Трудно назвать всех, кому довелось принимать участие в этом сражении. Выпускник истфака Петр Антипов и поэт Бетал Куашев, преподаватель Г. П. Петросян и его студент Ахмат Бозиев, студенты физмата Аскерхан Хагабанов и офицер для особых поручений командующего Сталинградским фронтом Федор Орлов, курсанты военно-пехотных училищ и бойцы Сталинградского корпуса ПВО Софья Кабалоева, Ольга Дурнева, Лидия Некрасова, Мария Ушакова и их боевые подруги. Каждый внес свою долю ратного труда в общее дело разгрома захватчиков.

Прошли годы. На местах, где шли кровопролитные бои, вырос величественный памятный мемориал. За это время поредели ряды участников битвы на Волге. Война настигла их уже в мирное время. Ушли из жизни Борис Бозиев и Аскерхан Хагабанов.

«...Но с годами,— пишет Елена Сергеевна Быстрыкова,— не уменьшается людская река к Вечному огню на Мамаевом кургане. С трепетным волнением и величайшей гордостью за своих товарищей по учебе каждый год 8 мая я выполняю просьбу Бориса Бозиева и Григория Мирзабекова, от их имени и от себя возлагаю букет алых тюльпанов к подножию Матери-Родины на Мамаевом кургане».

Подвиг тех, кто героически отстаивал на Волжских рубежах честь и независимость нашей Родины, будет жить вечно.

ВЫСТОЯЛИ И ПОБЕДИЛИ

В конце июня 1940 года в актовом зале Кабардино-Балкарского педагогического института состоялся торжественный вечер по случаю первого выпуска географического отделения учительского института. Вместе со своими преподавателями и товарищами по учебе нарядными и взволнованными встречали это событие 16 новоиспеченных учителей географии. Звучали напутственные речи и добрые пожелания. Звучала музыка, гремели аплодисменты.

Каждый из них гордился званием учителя. Каждый был счастлив возможностью вскоре повести за собой учащихся в такой необычно увлекательный мир науки о странах, народах и континентах. Было радостно и чуточку тревожно. Тревогу вызывала военная гроза, уже гремевшая над миром.

Спустя годы познакомился я с одним из тех выпускников географического отделения — Николаем Ивановичем Литвиненко. Сколько интересных фактов, сколько ярких событий сохранила его память! О каждом из однокурсников он рассказывал с особым чувством, находил такие слова, которые лучше всего передают дух времени, и теплоту отношений, и высокую гражданственность его товарищей.

— Конечно, рассказывать можно до бесконечности, — говорил он в задумчивости. — И как тут не сказать о Владимире Бруснице-не. В нашей студенческой среде он выделялся какой-то особой интеллигентностью. Человек очень деликатный, внимательный, предельно вежливый — он был старше нас. Учился, будучи

семейным. С юностью любил музыку, прекрасно играл на скрипке. Руководил студенческим оркестром народных инструментов. Я до сих пор не могу представить его в военной форме. Сугубо гражданский человек. Но как только разразилась война, в звании младшего политрука ушел он в армию. Служил и воевал в составе 346-го горнострелкового полка. Уже после войны его жена рассказывала, что Владимир Львович Брусницын с фронта не вернулся...

В августе сорок первого призвали в армию Николая Ивановича Литвиненко. Но направили не на фронт, а в Грозненское военно-пехотное училище. Там встретилось немало нальчан. Рабфаковец Арефьев командовал их курсантским взводом. Борис Грищенко, с которым Литвиненко встречался еще в годы учебы в институте, командовал другим взводом.

Когда немецко-фашистские войска первый раз захватили Ростов-на-Дону и возникла реальная угроза выхода их на Северный Кавказ, в училище сформировали два батальона и направили в распоряжение командующего Южным фронтом. В Батайске курсантские батальоны попали под ожесточенную вражескую бомбёжку. Здесь и получил первое ранение Литвиненко. В феврале 1942 года курсантов вернули в училище доучиваться, а в апреле — аттестовали. Но в войска молодые командиры попали не все. Часть задержали в училище, а вскоре в составе курсантского полка направили на фронт. Так лейтенант Н. И. Литвиненко, заместитель командира курсантской роты, оказался в самой гуще событий, которые разыгрались в конце августа

Н. И. Литвиненко

на южном крыле фронта, прикрывавшего Сталинград.

-- Противник предпринимал отчаянные попытки прорвать оборону 57-й армии, -- рассказывал Николай Иванович. — Передний край подвергался налетам авиации и непрерывному артиллерийскому обстрелу. Наши полки выдвинули на прикрытие станции Тундрово. Как правило, курсантские полки ставились на особо опасных направлениях. Командование верило в нашу стойкость и самоотверженность. Цепью невосполнимых потерь в конце августа нам удалось остановить ударную группировку противника на юго-западных подступах к Сталинграду... К концу сентября 1942 года потери в личном составе курсантских полков были столь велики, что командованию пришлось сформировать сводный курсантский полк из нашего Грозненского, Житомирского, Винницкого и Орджоникидзевского пехотных училищ. Так случилось, что в составе сводного полка воевал я всего около месяца... Мы тогда еще не знали о готовящемся большом наступлении. Только на нашем участке фронта почти каждую ночь уходили разведчики для сбора сведений о противнике. Не раз доводилось и нашей роте

участвовать в ночных вылазках. Так было и в ту памятную ночь, когда разведгруппу возглавлял я. Со мной были семь бойцов и старшина нашей роты — киргиз, фамилию его забыл. Хороший парень, студент Киргизского университета из Фрунзе. Мы без особого труда проникли в тыл противника. Проход хорошо знали все, кому доводилось им пользоваться. Вышли в заданный сектор. Собрали сведения о системе вражеской обороны первого эшелона, захватили «языка» с целями штабными документами, разбросали листовки и начали отходить...

Быть может, так и удалось бы им благополучно вернуться из ночного поиска, если бы случайно не столкнулись с вражеским связистом, проверявшим линию связи. Он сначала бросился наутек от курсантов, но в темноте за что-то зацепился и с грохотом упал. К шуму на переднем крае чутко прислушиваются. А тут вдруг такое... Небо осветила ракета. Разведчики залегли. Потом ползком попытались выбраться из опасной зоны. Но их обнаружили. Уходили, отстrelливаясь. В полукилометре от нейтральной зоны ранило старшину. Лейтенант Литвиненко взвалъ его на спину и попытался с ним преодолеть это небольшое расстояние. Но уже начало светать, и вражеский пулеметчик заметил их. Две пуевые раны добавились у старшины, и сквозное ранение в ногу получил лейтенант. И все же не оставил товарища в беде. Долго тащил его ползком, пока не пришли на помощь санитары.

— В 1983 году, — рассказывал Николай Иванович, — нас приглашали студенты Волгоградского государственного университета. Они

ведут сбор материалов о боевых действиях курсантских полков в Сталинградской битве. Я рассказывал студентам о событиях октября сорок второго года и для музея передал бережно хранимые мною с той памятной ночи две листовки на немецком языке, которые мы носили во вражеский тыл, медальон и свою фотографию. Ее сделал какой-то корреспондент в сталинградском госпитале, куда нас доставили после ночного поиска...

Позже их эвакуировали в стационарный госпиталь в город Сызрань. А когда завершилась Сталинградская битва, оба они — лейтенант Литвиненко и старшина роты — были награждены орденами Отечественной войны II степени.

После лечения в госпитале Николай Иванович получил направление на курсы усовершенствования комсостава «Выстрел» и позже командовал ротой в снайперском училище, принимал участие в боях на Северо-Кавказском фронте, участвовал в repатриации военнопленных. Был награжден орденом Красной Звезды.

В 1946 году вернулся Литвиненко к мирной профессии учителя и остался верен ей до ухода на пенсию.

Когда завершалась наша беседа, я невольно спросил, что же всего больше запомнилось ему. Николай Иванович, не задумываясь, ответил:

— Самое памятное для каждого солдата Сталинграда — ратная доблесть, стойкость и мужество. И еще — боевая дружба и товарищеская взаимопомощь. Все это помогло нам выстоять и победить.

ЮНОСТЬ КОМСОМОЛЬСКАЯ МОЯ...

После митинга коллектива пединститута по слухам вероломного нападения фашистской Германии на нашу страну, на котором секретарь комитета комсомола вуза Иван Пернацкий заверил его участников, что по первому зову все 400 комсомольцев готовы стать на защиту Родины, каждый студент считал своим долгом обратиться в военкомат с заявлением о призывае в Красную Армию.

Так друзья по комсомольской работе в комитете ВЛКСМ Иван Пернацкий и Сарби Черкесов оказались в числе первых добровольцев, стремившихся обязательно быть зачисленными в воздушно-десантные войска. Но обстоятельства в ту пору сложились так, что вместо фронта одного направили в военное училище, а второго на строительство оборонительных рубежей. И все же опыт комсомольской работы в мирных условиях сыграл в дальнейшем в судьбе каждого из них важную роль при окончательном определении армейской специальности.

Ивану Пернацкому довелось сначала быть ответственным секретарем комсомольской организации учебного батальона Грозненского военно-пехотного училища, а позже, на фронте,— комсоргом 1-го батальона курсантского полка.

Сарби Черкесов на должность комсорга 316-го кавполка 115-й Кабардино-Балкарской кавалерийской дивизии пришел после работы помощником комиссара по комсомолу второго участка на строительстве оборо-

нительных сооружений в районе Прохладного.

В конце июля — начале августа 1942 года их фронтовые пути почти скрестились. А о том, как воевали комсомольские вожаки, красноречиво рассказывают документы военной поры.

В ночь с 10 на 11 июля курсантов подняли по тревоге. Эшелонам была предоставлена «зеленая улица». Без задержек проследовали через Прохладный, Минеральные Воды, Невинномысск, Армавир, Тихорецкую. Между Сальском и Котельниковым испытали первую вражескую бомбежку. Разгружались на станции Красноармейской и разместились в селах Большие и Малые Чепуришки.

В одном из документов говорилось: «...Сводная курсантская группа [состояла из нескольких курсантских полков] имеет задачу не допустить прорыва противника к ж.-д. мосту на р. Дон». Командир курсантского батальона, а ныне генерал Александр Данилович Овсянников, в архивах разыскал боевое донесение от 17 июля 1942 года. В нем сказано: «...Училище обеспечено: винтовки — 39 проц., автоматы — 12 проц.».

А враг располагал и танками, и самолетами, и в неограниченном количестве боеприпасами. На оборону курсантов он обрушил всю мощь ударной группы. Трудно передать словами остроту сложившейся тогда обстановки. Но мост удалось отстоять. И пришлось противнику искать ниже по течению Дона место для наведения переправы.

Столкнувшись с ожесточенным сопротивлением защитников Сталинграда, захватчики

повернули сюда с кавказского направления 4-ю танковую армию. Когда передовые части фашистских войск ворвались на разъезд 74-й километр между станциями Абганерово и Тингута, наступил критический момент. Требовалось во что бы то ни стало вернуть важный разъезд и остановить врага.

Ночной марш — и курсанты вновь на самом опасном участке фронта, в выжженной приволжской степи.

— Рассказывать о тех событиях без волнения невозможно, — вспоминал через годы Иван Карлович Пернацкий. — Наш полк вышел в район населенных пунктов Громостлавка, Васильевка, Ивановка, Капкинский. Сухой бурьян, полынь, песок, палящее солнце. Нас мучила жажда. Мы получили задачу наступать на Капкинский и высоту 124.0. У меня чудом сохранился конспект политбеседы по передовой статье газеты «Правда» за 22 июля 1942 года, которую я проводил в первом батальоне накануне боя...

На восходе солнца наше наступление началось без артиллерийской подготовки. 1-й батальон наступал на правом фланге полка прямо на Капкинский. Слева, километ-

И. К. Пернацкий

ра на три, растянулись курсантские цепи других батальонов.

— Нам удалось преодолеть большую часть пути до вражеского переднего края,— продолжал мой собеседник,— но затем гитлеровцы открыли шквальный артиллерийский, минометный и ружейно-пулеметный огонь. Мы шли навстречу свинцовому вихрю, наперекор всем смертям. Ожесточенный бой продолжался до темноты. Враг был выбит с захваченных рубежей, и мы его погнали дальше. Многих боевых друзей потеряли в том бою...

Спустя годы оставшихся в живых курсантов разыскали студенты Волгоградского университета и пригласили на встречу. Каждый рассказывал о самом памятном для себя событии и называл особо запомнившийся ему момент Сталинградской битвы. Но все были единодушны, когда речь заходила о самом трудном испытании. Все называли бои на реке Мишкова. В августе сорок второго враг местами прорвался через их оборону. И не потому, что они отступили. А потому, что мертвые уже не могли стрелять и контратаковать. Там, 26 августа, во время танковой атаки противника был ранен отважный комсогр 1-го курсантского батальона Иван Пернацкий.

И, когда положение стало совсем безвыходным, командование фронта бросило на их участок только что прибывшую дивизию сибиряков, полки которой прямо с ходу вступили в бой и помогли курсантам отстоять юго-западные подступы к крепости на Волге.

...Не знал тогда Иван Пернацкий, что совсем рядом с теми местами, где сражался кур-

санский полк, вступила в бой 115-я Кабардино-Балкарская кавалерийская дивизия, что уже в первых боях его друг, Сарби Черкесов, проявил мужество и спас от верной гибели комиссара полка.

С утра 28 июля враг перешел в наступление на оборону конников в районе Малой и Большой Мартыновки. Небольшими силами бойцы и командиры заняли круговую оборону. Создалась угрожающая обстановка. Находившийся в одном из подразделений комсорг полка Сарби Черкесов поднял в атаку бойцов, и возглавляемая им группа дерзким ударом потеснила вражеских автоматчиков, отбросив их от штаба 316-го кавполка, к которому они прорвались.

Через несколько дней в районе станицы Новониколаевской восемь вражеских танков вышли к командному пункту 316-го кавполка. В бою погиб командир полка, тяжело ранен был комиссар Касым Галачиев. Танки прошли дальше, а автоматчики отстали. Сарби ползком добрался до комиссара, убедился, что он еще жив, взвалил его на спину и по ходу сообщения донес до полуразрушенного здания. Там оказался подвал. Оказав первую помощь

С. М. Черкесов

комиссару. Сарби вернулся к огневой позиции противотанковой батареи. Там лежал тяжело раненный политрук. Его и еще двух раненых бойцов успел доставить в укрытие комиссар Черкесов, когда появились фашистские автоматчики. Они шли, не торопясь, изредка короткими очередями добивали наших раненых бойцов. Как хотелось выскочить им на встречу и ударить по ним из автомата! Но делать этого было нельзя. Он поставил бы под угрозу жизнь тех, кого с таким трудом спас. К счастью, автоматчики прошли в станицу, проверяя близлежащих построек и окопов.

Как только стемнело, Черкесов нашел под воду, постелил сена, уложил раненых и въехал, ориентируясь по звездам, на юг. Ни однажды душа не встретилась за ночь. На рассвете за балкой увидел небольшой степной хутор. Оставив подводу в укрытии, осторожно пробрался к крайнему дому. Выяснилось, что в хутор немцы не заходили. После короткой отдыха, разузнав, куда держать путь, он въехал дальше и после трудных испытаний добрался с ранеными до Моздока. Поместив политрука и двух бойцов в армейский госпиталь, а комиссара полка Каюма Галачиев доставил в стационарный госпиталь в Махакалу.

«...Вот только сейчас, — писал через год Каюм Богдаевич Галачиев, — совершенно неподожданным образом получил твоё письмо. Радуюсь души, что ты жив и здоров, в то же время горжусь тобой... Никогда, до последнего вздоха не забуду тебя»...

А дальнейшие события развивались так. «...После госпиталя, — сообщал Иван Ка-

лович Пернацкий,— я снова вернулся на фронт. Участвовал в боях на Курской дуге, воевал на Центральном и Белорусском фронтах. Но так и не дошел до Берлина. После очередного ранения в звании капитана был уволен из действующей армии»..

Ратные подвиги капитана И. К. Пернацкого отмечены орденами Красного Знамени и Красной Звезды. С апреля 1944 года он снова на комсомольской работе — секретарь областного комитета ВЛКСМ.

«...Наша комсомольская юность,— писал Иван Карлович,— время незабываемое. И не только потому, что довелось воевать. Памятно оно работой в тылу. Вместе со мной, в одном курсантском полку, участвовал в обороне Сталинграда, а затем в разгроме окружённой группировки Иван Яковлевич Васильев (Магдебург), он был парторгом роты. После тяжелого ранения его уволили в запас. Вот мы и оказались рядом в Кабардино-Балкарском обкоме комсомола — секретарями. Приятно было работать с этим очень одаренным организатором и талантливым человеком. Позже я находился на партийной работе в аппарате областного комитета партии, а с января 1950 года долгое время был парторгом ЦК ВКП(б) на Тырныаузском вольфрамо-молибденовом комбинате. Могу с чистой совестью доложить коллективу вуза, что делами своими оправдал присужденную мне в годы учебы именную стипендию ЦК ВЛКСМ...»

Сарби Маштаевич Черкесов с ноября 1942 года службу проходил в должности комсорга 39-го гвардейского кавалерийского пол-

ка 11-й гвардейской кавалерийской дивизии 5-го гвардейского Донского кавкорпуса. Участвовал в изгнании захватчиков с Северного Кавказа, освобождал Украину. Во время боев за Волноваху случайно встретил товарища по институту танкиста Гранта Оганьянича. Там же выяснилось, что воюют они в одной дивизии.

В документах, которые сохранил Сарби Маштаевич, есть несколько статей, опубликованных в корпусной газете «Ударная конница». Приведу только два отрывка.

9 марта 1943 года в статье гвардии капитана К. Говердовского «Комсомольцы в боях с врагом» говорится: «...Свыше тысячи немецких оккупантов уничтожили наши комсомольцы в наступательных боях. Секретарь комсомольского бюро тов. Черкесов личным примером показывает образцы борьбы с врагами Родины. Тов. Черкесов только в нескольки сражениях уничтожил 13 фашистских извергов».

В день 25-летия комсомола корреспондент газеты В. Лихарев в статье «Торжество молодости» писал: «Командуя группой казаков комсорг тов. Черкесов ворвался в расположение врага. Личный пример тов. Черкесова всодушил гвардейцев на борьбу. В неравном бою донские казаки разметали превосходящего противника. Свой славный юбилей комсомольцы и все молодые воины нашей части отмечают новыми победами на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками».

Бережно хранит ветеран и копию письма заместителя командира полка по политчасти гвардии майора Марченко, адресованного

редакции газеты «Социалистическая Кабардино-Балкария». В нем такие слова: обещание, данное Родине и своему отцу, беспрощально уничтожать гитлеровцев «Черкесов выполнил с честью, по-гвардейски. За героизм и отвагу, проявленные в борьбе с немецкими захватчиками, командование повысило его в должности. Сейчас он является агитатором части, пламенным проводником идей партии в красноармейские массы. Высоко оценены его боевые подвиги. Он награжден орденами Отечественной войны II степени, Красной Звезды, медалью «За отвагу». За последние бои представлена к высокой правительственной награде».

В годы мирного труда немало сил отдано Сарби Маштаевичем Черкесовым развитию печати Кабардино-Балкарии. Еще один орден — орден «Знак Почета» — украсил грудь воспитанника нашего вуза.

— Комсомол дал нам крылья,— говорит Сарби Маштаевич,— и мы благодарны ему за школу гражданственности и патриотизма, прекрасное чувство любви к Родине и воспитание крепкой дружбы между народами. Юность комсомольская моя звала нас на труд и на подвиг.

«ПУСТЬ НИКОГДА НЕ ПОВТОРИТСЯ»

С Николаем Николаевичем Кулаковым встретился я в Пятигорске уже после того, как вышел он на пенсию. Говорили о многом. Память его сохранила немало ярких фактов поры студенческой юности, военного лихо-

летья и нелегкого пути к вершинам учителеского мастерства.

— Со своим другом, Дмитрием Чебаткиком,— вспоминал он,— в Кабардино-Балкарии оказались случайно. Учились мы в Орджоникидзевском электромеханическом техникуме. Не помню, кому из нас вдруг пришла в голову мысль поступить в институт. Думали не долго и «махнули» в Нальчик. Учебный год ведущему институту уже начался. Но нас очень приветливо встретили, показали учебный корпус общежитие, студенческую столовую. Нам все понравилось, и мы стали студентами физико-математического факультета...

Их однокурсниками были Маша Туков, Мовлуд Керимов, Одарка Шевченко, Килостан Эфендиев, Тамара Гриценко и другие. Все учились старательно. Среди однокурсников своими способностями в области математики выделялся Маша Туков. Преподаватели прочили ему большое будущее в науке. Видно оно так и случилось бы, если бы не война. Весть о ней пришла, когда закончилась летняя сессия второго курса. Ребята «штурмовали» военкомат, добиваясь призыва. Но пойти в армию удалось не всем. Летом 1941 года только Маша Туков и Килостан Эфендиев получили направление в авиационную школу. Остальным предложили продолжить учебу в институте.

Осенью возникла угроза выхода немецко-фашистских войск на Северный Кавказ. Началось сооружение оборонительных рубежей и на территории Кабардино-Балкарии. На их строительство привлекались рабочие, колхозники, студенты и учащиеся старших классов.

сов. Студенческий батальон Кабардино-Балкарского педагогического института трудился в районе города Прохладного.

— Те дни, — продолжал вспоминать Николай Николаевич Кулаков, — запомнились небывалым трудовым энтузиазмом молодежи, высоким чувством коллективизма и патриотизма, горячим стремлением внести личный вклад в общее дело разгрома захватчиков. Работали мы очень хорошо! Многих тогда отметили премиями и наградами. Потом вернулись в Нальчик и продолжили учебу...

В связи с военной обстановкой сроки обучения были сокращены. Практически за один учебный год пришлось осваивать программу двух курсов. Таково было требование того сурового времени. Бережно хранит Николай Николаевич диплом об окончании Кабардино-Балкарского педагогического института, в котором значится, что 9 августа 1942 года ему присвоена квалификация и звание учителя математики и физики средней школы. На второй день после вручения дипломов педагогический институт эвакуировался из Нальчика. Конечно, тогда о работе в школе у Николая Николаевича и мысли

Н. Н. Кулаков

не было. Путь в нее лежал через фронт.

Сначала довелось ему участвовать в обороне и освобождении Северного Кавказа, а позже нести службу топовычислителя в 663-м артиллерийском полку 218-й стрелковой дивизии, пройти через сражение на Курской дуге, участвовать в освобождении Украины. Естественно, разговор наш не мог не коснуться самых памятных событий и встреч военного периода.

— Во время войны всячес бывало, но один случай особый,— мой собеседник заметно оживился.— В сентябре 1943 года наша дивизия вела бои в Полтавской области. Наступали мы в местах, которые каждый из нас хорошо знал по повестям Гоголя: Миргород, Хорол, Великие Сорочинцы, Лубны. Противник яростно сопротивлялся. Помнится, что за освобождение железнодорожного узла Ромодан личный состав дивизии был удостоен благодарности Верховного Главнокомандующего, а дивизия получила почетное наименование «Ромоданской». Но речь не об этом. Недалеко от Хорола есть небольшое село. Название его, к сожалению забылось. Нас очень тепло встречали местные жители. Они выстроились вдоль сельской улицы и протягивали нам цветы, пытались угостить, чем могли. Настроение у всех радостное. И вдруг к нашей машине подбежала женщина и воскликнула: «Николай! Кулаков!» Я сначала даже опешил. Кто мог знать меня в этом отдаленном украинском селе? Но с машины спрыгнул и подошел к женщине. Каково же было мое удивление, когда она оказалась нашей однокурсницей — Одаркой Шевченко. Год назад мы рас-

стались в Нальчике. В моей памяти хранился образ красивой девушки. Она сумела добраться до родных мест, но, видимо, столько горя хлебнула в оккупации, что я с трудом ее узнал. Ей хотелось услышать от меня, как сложилась фронтовая биография нашего однокурсника Маши Тукова, которого она любила. Но пришлое ее огорчить. О чем я ничего тогда не знал. Мы вспомнили счастливые дни учебы в Нальчике, обменились известной нам информацией об общих знакомых и расстались. В памяти моей до сих пор зримо сохранилась застывшая у дороги фигура женщины с черным платком на голове...

Потом — нелегкий путь к Днепру. Во второй половине октября в районе Канева 218-я стрелковая дивизия под непрерывной бомбёжкой форсировала реку и захватила плацдарм на правом берегу. Ее воинам пришлось выдержать десятки яростных атак фашистских танков и пехоты. Но они выстояли. В труднейших условиях осени распутицы, бездорожья и непрерывных вражеских контратак велось наступление на столицу Украины. Это и воинам дивизии салютовала Москва 6 ноября 1943 года в честь освобождения Киева. И стала она именоваться Ромодано-Киевской 218-й стрелковой дивизией.

Запомнился И. И. Кулакову решительный удар, который наносили войска 1-го Украинского фронта на Правобережной Украине, освобожденный Житомир и другие населенные пункты. В середине ноября 1943 года гитлеровское командование, стремясь восстановить линию фронта по Днепру, нанесло мощный удар по нашим позициям.

-- Наш артиллерийский полк стоял в Житомире,— рассказывал Николай Николаевич,— когда поступил приказ отвести дивизию в другой район. Немцы наступали с юга крупными силами танков и пехоты. Находился я в штабе дивизии и получил срочное задание доставить приказ в полк. Ночью, обходя населенные пункты, я попал в лесок и потерял ориентацию. Было бы совсем плохо, если бы я не вспомнил наставление нашего институтского преподавателя астрономии. Во время учебы нам казалось все это излишним. А тут, кстати, очень пригодились знания звездного неба. По Полярной звезде сориентировал карту, разобрался на местности и сумел выйти на северную окраину Житомира, который уже охватывали вражеские войска. Приказ был доставлен своевременно.. За успешное выполнение задания командования и своевременный вывод артиллерийского полка в заданный район топовычислитель Кулаков был награжден медалью «За отвагу». Вскоре пришлось ему овладеть специальностью артиллерийского наводчика. А в наступлении на Правобережной Украине стал Николай Николаевич Кулаков командиром орудия.

В июле 1944 года войска 1-го Украинского фронта из района Тернополя перешли в решительное наступление на львовском и станиславском направлениях. Окружив крупную группировку противника в районе Броды, войска фронта разгромили ее и 27 июля освободили Львов. Развивая стремительное наступление, наши войска форсировали реку Сан и вступили на территорию Польши. 29 июля передовые соединения вышли к Висле и с ходу

форсировали ее, захватив плацдарм на левом берегу южнее Сандомира. Участвуя в этих боях, командир орудия 663-го артиллерийского полка сержант Н. Н. Кулаков не раз проявлял образцы мужества, отражая яростные атаки вражеских танков. Орденом Красной Звезды отмечен его ратный подвиг на Сандомирском плацдарме. Потом было артиллерийское училище и вновь служба в армии.

Только в октябре 1946 года Кулакову довелось в первый раз перешагнуть порог Суворовской средней школы № 1 в Предгорном районе Ставропольского края. После войны мирная учительская работа так захватила, что, казалось, кроме нее, не было ничего интереснее. «Уроки физики, которые вел Николай Николаевич, были уроками захватывающими,— писал спустя годы один из его учеников.— Мы учились не только установлению закономерностей окружающего нас мира, но и трудолюбию, и прилежанию, и, самое главное, серьезному отношению к предстоящей трудовой деятельности. В этом достойным примером и настоящим маяком был наш учитель физики».

Почти двадцать лет работал Н. Н. Кулаков учителем физики и заместителем директора по учебно-воспитательной работе в Иновоземцевской средней школе № 5 города Железноводска. За большие заслуги на ниве народного просвещения Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 апреля 1964 года ему присвоено почетное звание «Заслуженный учитель школы РСФСР». Не теряет связи он и теперь с ученическим и педагогическим коллективами. Вспоминая прошлое, в одном из

нисем Николай Николаевич пишет: «Конечно, нам, ветеранам минувшей войны, есть о чем рассказывать подрастающему поколению. Но как было бы хорошо, чтобы все пережитое нами никогда больше не повторилось!»

ПОДВИГ ЖИВЕТ ВЕЧНО

Не раз мне доводилось встречаться с людьми, которые хорошо помнят Машу Тукова еще по его учебе на физико-математическом факультете Кабардино-Балкарского пединститута. Каждый охотно делился своими сведениями о нем, выделяя какую-то особую черту его характера, склада мышления, поведения и привычки. Но в основном все были единодушны: Маша Туков — личность незаурядных способностей, удивительного трудолюбия, душевной щедрости, патриот и гражданин в полном смысле этих слов.

— Когда мы учились в пединституте,— рассказывал при встрече в Москве старший научный сотрудник Вычислительного центра АИ ЦССР Мовлуд Керимович Керимов,— меня с Туковым подружила страстная увлеченность математикой. Помнится, нам троим: Тукову, Кулакову и мне, в ту пору любимый наш учитель, Георгий Нилович Нилов постоянно давал дополнительные задания. Контроль за выполнением этих заданий осуществляли мы сами, проверяя и выставляя друг другу оценки. Все это вносило дух соревнования в нашу учебу, стимулировало труд, заставляло искать новые, оригинальные решения... Причем лидерство всегда принадлежало

Тукову. Поэтому, кто знает, если бы не войны, возможно, стал бы мой друг известным ученым-математиком...

К сказанному товарищем по студенческой скамье заслуженный учитель школы РСФСР Николай Николаевич Кураков добавил:

— Немало людей обладает способностями, но не каждый умеет организовать свою работу. В этом отношении Маша Туков был для нас образцом. Он умел не только себя заставить систематически работать над собой, но и приучал нас к этому. Мы были немножко моложе его, порой проявляли непоседливость. И если бы не его влияние, вряд ли мы тогда сумели бы хорошо учиться...

— Совсем не случайно Тукову назначена была высшая по тем временам стипендия,—вспоминал преподаватель института Меер Бениаминович Хазанов.—Он одинаково серьезно относился к учебе и к своему общественному долгу, высоко ценил дружбу и бережно пронес через все испытания святое чувство любви к Родине...

Об остальном красноречиво рассказывают сохранившиеся письма самого Маша Тукова. Я позволю себе привести их с небольшими комментариями. Когда началась война, шла

М. Б. Туков

летняя экзаменационная сессия. Последний экзамен за второй курс был сдан 30 июня 1941 года. А уже в первых числах июля с большой группой призывников из Нальчика получил Маша Туков направление в авиационную школу.

Письмо первое. Мовлуду Керимову:
«Здравствуй, дорогой друг Мовлуд!

Письмо твое получил. Очень я обрадовался этому письму. Ведь почти целый год не было между нами никакой переписки. Мовлуд, я тебе должен объяснить те изменения, которые произошли за это время.

Как тебе известно, нас, большую группу ребят из Нальчика, направили в авиационную школу. В середине лета 1942 года школа была расформирована. Часть курсантов направили в гор. Пугачев. Туда пошел из наших однокурсников по институту Килостан Эфенднев. Вторую половину послали в наземные войска... Вместе со мной ушли Ильяс Тетуев, Анатолий Доленко, Александр Куянцев и прабфаковцы Хажиаго Вологиров и Гумар Князев.

Таким образом, стал я не летчиком, а пехотинцем.

После недолгой подготовки на нашу долю выпало счастье громить немецких захватчиков у Волги. Во время ожесточенных сражений зимы сорок второго — сорок третьего годов был фрицев и днем и ночью. Был крепко. В те дни довелось испытать горечь первых потерь. Смертью храбрых пали мои друзья Ильяс Тетуев и Гумар Князев.

С фронта я тебе не писал по той причине, что думал: тебя нет дома. Пиши о себе, матери и других. Чем занимаешься? С кем из студентов пединститута имеешь переписку? Пиши обо всем. Обнимаю, крепко жму твою руку. С приветом М. Б. Туков».

Письмо второе. Матери Анатолия Доленко:
«Здравствуйте, Ольга Константиновна!

Письмо, которое Вы написали А. А. Доленко, я получил на днях. С большим прискорбием сообщаю Вам, что Анатолий Доленко погиб на фронте в борьбе с фашистскими людоедами. Он пал смертью храбрых, и прежде, чем отдать свою жизнь, он уничтожил много захватчиков. Вы должны этим гордиться. Вашего Толю я еще знал по институтской жизни в Нальчике. Учился с ним вместе в авиашколе. Громил немецких захватчиков вместе с ним. Мы отомстим гадам за Вашего Анатолия.

С приветом М. Б. Туков. 26.04.43 г.»

Письмо третье. Мовлуду Керимову:
«Здравствуй, дорогой друг Мовлуд!

В настоящее время вышла небольшая передышка. Готовимся к предстоящим боям. С радостью сообщаю, что связался с родителями. Скоро должны они прислать армейский адрес старшего брата Хаштахира. Все в порядке. Только от Кубати пока известий нет. Как-то так случилось, что из старых друзей никого не осталось рядом. Кто погиб, а кто ранен. Но не упываю. Имею крепкое здоровье.

Готов бить фрицев еще крепче, чем зимой
1942/43 гг. Настроение боевое. Пока все.

Твой друг М. Б. Туков.

19.06.43 г.»

Письмо четвертое. Сестре Раисе:

«Дорогая сестренка!

Неожиданно моя армейская жизнь сделала
крутый поворот. Из действующей армии меня
направили на краткосрочные курсы команд-
ного состава. Как-то непривычно чувствовать
себя курсантом, когда на огромном фронте
идет такое сражение. Не я один, а многие мои
сослуживцы на сигнал: «Подъем!» вскакива-
ют и хващаются за оружие. Это вместо утren-
ней гимнастики... И смех и грех... Наверное, и
после войны нам будут сниться фронтовые
будни. Я здоров. Чувствую себя хорошо.
Привет всем нашим родственникам.

Ваш брат и сын.

21.09.43.»

Окончив краткосрочные курсы командного
состава, прибыл Маша Туков в прославлен-
ный 4-й гвардейский Сталинградский механи-
зированный корпус на должность командира
минометного взвода. В первых числах марта
1944 года конно-механизированная группа ге-
нерала И. А. Плиева, в состав которой входил
и гвардейский межкорпус, развернула наступ-
ление в общем направлении на город Новый
Буг. Отсекая пути отхода 6-й немецкой армии,
конно-механизированная группа вышла к
Снегиревке и 14 марта соединилась с нашими
наступающими войсками, а затем, развернув-
шись на запад, успешно преследовала отсту-

павшие к Южному Бугу разрозненные соединения противника.

Письмо пятое. Мовлуду Керимову:

«Здравствуй, дорогой друг Мовлуд!

Получил твоё письмо. Беспредельно рад я этому письму. Твое письмо первым нашло меня после продолжительной паузы. Такое долгое молчание с моей стороны объясняется не тем, что я позабыл тебя или не имел свободного времени написать своему другу несколько слов. Нет, совсем не поэтому. Как только вступаем в наступательный бой, все почтальоны отстают от нас. И догоняют они нас, когда мы находимся на небольшом отдыхе. А это бывает за 150—200 км от исходного рубежа. Вот почему плохо работает почта.

Имею крепкое здоровье, дела идут пре-
восходно, настроение приподнятое. Гоним,
окружаем, уничтожаем вражеские войска.
Читал про разгром 6-й армии? Это мы унич-
тили 6-ю армию в Сталинграде и другую,
которую Гитлер хотел возродить, 6-ю армию —
на Украине. Хвалиться не стану, по фрицев
бьем крепко.

Сейчас, после наступательных боев, не-
много отдыхаю. Скоро снова лойду вперед
громить немецких захватчиков. Кренко обни-
маю и целую тебя. С гвардейским приветом
М. Б. Туков. 23.03.44.»

...После небольшой передышки и пополне-
ния средствами усиления в конце марта
1944 года конно-механизированная группа,
форсировав Южный Буг, начала новую рей-
довую операцию в направлении Березовки и

Раздольной, а затем приняла участие в освобождении Одессы.

Еще не раз писал гвардии старший лейтенант М. Б. Туков домой и друзьям о фронтовых событиях, рассказывал о том, как воюют его однополчане. Как сам участвовал в освобождении Румынии и Болгарии.

В соответствии с указаниями Ставки Верховного Главнокомандования 11 октября 1944 года в полосе наступления 67-й армии в прорыв вводился 4-й гвардейский Сталинградский механизированный корпус генерал-лейтенанта В. И. Жданова с целью выхода к столице Югославии Белграду.

Письмо шестое. Своим землякам комсомольцам Нартана:

«Дорогие товарищи!

Три с лишним года советский народ ведет освободительную войну с гитлеровскими захватчиками. В этой священной войне самое активное участие принимает наш комсомол, непосредственно с оружием в руках истребляя фашистских захватчиков, освобождая родную землю и народы Европы от коричневой чумы фашизма, самоотверженно трудясь в тылу.

За последнее время Красная Армия одержала ряд крупных побед на юге. Полностью разгромлена вражеская группировка под Яссами. Наши войска заставили Румынию отколоться от Германии и вести против нее войну. Старое болгарское правительство даже не пыталось сопротивляться. Во всех этих операциях комсомольцы и коммунисты шли в первых рядах, проявляли несгибаемую стой-

кость, мужество и героизм, свою любовь к социалистической Родине.

Недалек тот час, когда Красная Армия отметит последним пунктом своего похода — Берлин. Помните, что без крепкого тыла нет успеха на фронте. Поэтому, докладывая о наших успехах, желаю вам быть инициативными, трудолюбивыми и мужественными в работе.

С боевым гвардейским приветом М. Б. Туков. 11.10.44.»

Уничтожая опорные пункты и заслоны противника, части 4-го гвардейского межкорпуса во взаимодействии с частями 1-й армейской группы Народно-освободительной армии Югославии вечером 13 октября достигли южных подступов к Белграду.

Прежде чем штурмовать городской обвод, 15-я гвардейская мебригада, в которой служил гвардии старший лейтенант М. Б. Туков, нанесла удар по противнику, укрепившемуся на горе Авана. И затем, плечом к плечу, советские и югославские воины обрушились на главную полосу обороны противника. В течение недели не утихал гул сражения над югославской столицей. Наконец, наступил момент, когда, очищая от фашистов дом за домом, ринулись воины братских народов к центру Белграда. И, когда 20 октября 1944 года над белградской крепостью Калемегдан, на крутом берегу у слияния Савы и Дуная, взвился флаг победы, вражеская пуля оборвала жизнь гвардии старшего лейтенанта Маши Батырбековича Тукова...

На мемориальном кладбище в центре Белграда спят вечным сном под голубыми кедрами и русскими березками 1395 бойцов Народно-освободительной армии Югославии и 808 советских солдат и офицеров. В их числе и наш земляк — Маша Батырбекович Туков.

Как дань памяти о подвиге воинов-освободителей лучшим рабочим, служащим, представителям творческой интеллигенции скучина Белграда присуждает Октябрьскую премию — одну из самых популярных в СФРЮ.

Подвиг живет вечно.

ПИСЬМА ВОЕННЫХ ЛЕТ

С Михаилом Михайловичем Лукьяниченко я встретился я вскоре после выхода в свет книги «Долг памяти». В ту пору он еще и ушел на пенсию и заведовал Прохладненским районным отделом народного образования. Мы обменялись информацией об общих знакомых, вспомнили сорок второй год, пожалели о том, что судьбы некоторых воспитанников вуза так и остались неразгаданными.

— Плохо,— под впечатлением пахлыущих дум заявил вдруг Михаил Михайлович,— что так небрежно мы порой относились к свидетельствам нашей молодости. Ведь я вею обширную переписку. У меня долгое время хранились бесценные реликвии — письма военных лет. И было их довольно много. Но в силу неустроенности быта и частых передездов пришлось с ними расстаться. В итоге ушло то, что восстановить уже не

возможно. А жаль. Память все сохранить не может...

Тогда же он сообщил, что не только семерка студентов Харьковского библиотечного института, о которой рассказано в очерке «Юность, войной опаленная» из книги «Долг памяти», окончила наш пединститут. В Нальчике учились многие эвакуированные в Кабардино-Балкарию студенты Ростовского университета, вузов Украины и даже Ленинградского института физкультуры им. Лесгафта.

Как и харьковчане, некоторые из них ушли на фронт и храбро воевали. Но как сложились их судьбы, установить не удалось, так как даже фамилии некоторых из них до сих пор неизвестны.

И все же меня не оставляла надежда, что со временем многое прояснится. Подтверждением тому стал объемистый пакет, который прислал в 1985 году один из тех семерых харьковских студентов — Алексей Григорьевич Пенза. Он окончил исторический факультет Кабардино-Балкарского пединститута в 1942 году, после войны до ухода на пенсии учителяствовал в городе Скадовске Херсонской области.

А. Г. Пенза

«...Спасибо за то,— писал Алексей Григорьевич,— что Вы вспомнили меня и моих товарищ добрый словом в своей книге. Вместе с письмом посылаю Вам свое эвакоудостоверение, фотографию и чудом сохранившиеся одиннадцать писем военной поры. Все они адресовались мне, но так как содержат информацию, связанную с судьбами некоторых товарищей по учебе в институте, то у меня нет возражений, если они будут обнародованы. Готов также дать необходимые пояснения к ним...»

Привожу отрывки из присланных мне Пензой писем, и там, где это необходимо, даю краткие пояснения Алексея Григорьевича.

Письмо первое. 21 июня 1943 года.

«Здравствуй, Алексей!

Прими мой привет и добрые пожелания. Сегодня пришло твоё письмо на институт, и я воспользовался адресом, чтобы написать тебе. В армию меня не взяли по зданию. 29 марта с. г. по вызову Наркомпроса я выехал из Махачкалы в Нальчик. Направили меня на работу в наш недавно открытый институт. Работаю старшим лаборантом кабинета литературы. Оккупанты крепко похозяйничали, но здание главного корпуса взорвать не успели, зато сгорело здание бывшего сельхозтехникума, где находилась библиотека. Занимаемся сейчас в главном корпусе. Помнишь, там были курсы «Выстрел»?

Миша Будовой приехал вместе со мной. Я его встречал в Махачкале. Работает на прежней работе. Женился на Кате. Почти все пре-

подаватели вернулись. Здесь Мужев, Вихорева и другие. От Захара [Берова] пока ничего не имею. Знаю, что был он ранен и лежал в госпитале в Сочи. Николай [Васковский] тоже был ранен. Но где он, не знаю. Андрей Лебедев погиб. Его жена получила извещение.

Напиши подробно о себе. Где и как служился?

С приветом Мишка Лукьянчиков».

Андрей Николаевич Лебедев. Из пояснения Алексея Григорьевича: «...Я мало с ним общался во время учебы. Он учился на физико-математическом, а я -- на историческом факультете. Был он старше нас. Носил очки. Помнятся усы и какая-то особая и добрая улыбка. Человек очень обаятельный. Много знал и умел. В моих скучных записях того времени о нем говорится, как об очень умном, милом и честном человеке. Война помешала ему окончить математический факультет Ростовского университета. Его решительность запомнилась мне во время эвакуации. Когда в августе 1942 года мы шли через горы, то там невольно возник разговор о том, чтобы идти в партизаны. Это было наивно, так как почти никто из нас не знал ни местности, ни особенностей действий в тех условиях. И все же Андрей вместе с Васковским, Беровым и Лукьянчиковым первыми подали мысль об этом. К сожалению, реализовать их желание тогда не удалось. А когда пришлось преодолевать довольно трудный перевал из Черекского ущелья в Грузию, то, если бы не Лебедев, вряд ли мы благополучно смогли тогда

пройти. У самого ледника он нас обеспечивал питанием, так как сконцентрировал у себя все съестные припасы. Внимательно следил, чтобы никто не свалился в пропасть, проверял связки и не давал никому из нас расслабиться. Он помог семье ленинградского профессора Турчанинова преодолеть это труднейшее препятствие. Из Грузии мы добрались до Азербайджана и некоторое время работали в совхозе «Кара-Еры». Это недалеко от Кировабада. Там меня призвали в армию. А Андрей Лебедев ушел со своими товарищами дальше Связь с ним прервалась. Как выяснилось позже, его вместе с Беровым и Васковским призвали и направили в 6-ю гвардейскую стрелковую бригаду 10-го гвардейского стрелкового корпуса».

Письмо второе. 21 июня 1943 года, город Фрунзе (письмо от студентки института физкультуры им. Лесгафта Марии Санджары)

«Здравствуй, Алексей! Письмо твое я получила, очень благодарна. Сейчас нахожусь в спортивном лагере. Он в 18 километрах от города у подножия Алатоо...

От родных письма получаю регулярно. Брат пишет, что он гвардеец. Сестра у меня тоже молодец. Пишет, что к 1 Мая ей объявили благодарность и представили к награде. Он тоже на фронте.

Из ваших харьковчан мне регулярно пишет Федя Иващенко. Я ему пошлю твой адрес. Он прислал письмо на институт, и мы узнали, где он. Очень жаль Андрея Николаевича [Лебедева]. Он погиб в Краснодарском крае

Привет от всех нас твоим боевым друзьям.
С товарищеским приветом Мария».

Письмо третье. 31 июля 1943 года, город Баку.

«Привет, Алексей! Приехал я с фронта и сразу написал письмо в совхоз. Оттуда мне и сообщили твой адрес. Если ты находишься недалеко от меня, то зайди. Тебе уже, наверное, известно, как Андрей, Захар и я попали в армию. Воевали мы недалеко от Нальчика. Во время наступления 5 февраля [1943 г.] Андрея и Захара ранило. Остался я один. Вскоре мне присвоили звание младшего лейтенанта. А теперь вот направили учиться в зенитно-артиллерийское училище. На фронте я был легко ранен, но из части не уходил. Там и вылечился. Связь с Захаром и Андреем потерял. Буду очень рад, если мы встретимся. Как твоя служба? Обязательно напиши мне.

С приветом Николай Васковский».

Письмо четвертое. 18 августа 1943 года, город Баку.

«Здравствуй, Алексей! Я очень рад, что ты попал в такую хорошую часть. Мне же пришлось пройти довольно суровую школу. В одном из боев я подал заявление, и меня приняли в партию. А после боя вызвали к начальству, присвоили звание младшего лейтенанта и поставили на должность заместителя командира роты по политчасти. В этой должности я и воевал до того момента, пока не упраздили комиссарские должности. После этого нас направили в училища на учебу.

В начале февраля наша гвардейская часть вела наступление на Краснодар. Мы осуществляли прорыв и резко повернули на запад, а на Краснодар наступали уже другие части. Позже мне пришлось участвовать в боях по овладению Крымской. Многое видел на дорогах войны. Помнишь, с нами в Нальчике был высокий нарень Владимир Тебеньков. Он работал на «катюшах», а теперь начальник разведки полка. Не правда ли, далеко пошел? Получил от Вали (жены Лебедева) письмо. Она тяжело переживает утрату, работает не-далеко от Пятигорска в школе. Сегодня же написал письмо Мишке Лукьянчикову. Получаешь ли ты письма из Фрунзе? В субботу и воскресенье вечером я свободен. Напиши, как тебя найти, может быть, я зайду. Желаю всего хорошего! Пиши.

С приветом Николай [Васковский].

Николай Иванович Васковский, (из пояснения А. Г. Пензы): «...Николай Васковский, как и Лебедев, учился в Ростовском университете. Эвакуировался в Нальчик и окончил физико-математический факультет Кабардино-Балкарского педагогического института. Летом 1943 года я служил в зенитно-артиллерийской бригаде ПВО, которая прикрывала Баку. Там мы встретились с Николаем. Вспоминали институт, друзей по учебе. Но осенью 1943 года набор, где учился Васковский, был расформирован, и его направили на учебу в танковое училище. Оттуда я получил только одно письмо от него. Вскоре связь прервалась».

Если бы Николай остался жив, он обязательно разыскал кого-нибудь из нас...»

Письмо пятое. 25 октября 1943 года. Действующая армия.

«Добрый день, Алексей! Радуйся и смеяся, вместе со мною! Освобождены мои родные места вместе с отцом и сестрами! Но живы не все. Одна сестра в Германии, две тетки там же, а зять и оба дяди расстреляны за связь с партизанами. Возможно, ты читал в газетах о том, что только в нашем районе 13 тысяч жертв. Отец мой чудом уцелел: за укрытие красноармейцев его и 18 других коммунистов и активистов вызывали в гестапо. Но он не явился и скрылся на хуторе в лесной и болотистой глухомани. Полицаи привозили собак с проводниками, но безуспешно. Партизаны разобрали мост, и каратели не смогли проникнуть на отдаленный хутор... Брат мой жив. Сейчас находится в Краснодаре, за Тамань награжден орденом. Уже капитан. Он только теперь узнал, что я был в Нальчике. А ведь ему довелось участвовать в ожесточенных боях на Баксане и освобождать Нальчик. 22-го получил твоё письмо. Большое спасибо, что не забываешь. Следующий раз напишу подробнее, а пока некогда из-за службы. Пиши, что тебя интересует.

Твой Федор Иващенко».

Федор Иванович Иващенко окончил литературный факультет Кабардино-Балкарского педагогического института в 1942 году, служил в гвардейской авиационной части, сейчас доктор педа-

гогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии Минского педагогического института им. А. М. Горького.

Письмо шестое, 18 декабря 1943 года. Действующая армия.

«Здравствуй, Алексей! Только что получил твое письмо и, пользуясь свободным временем, решил сразу же ответить. Каждое письмо от родных или друзей приносит мне много радости и поднимает настроение.

Алексей, благодарю тебя за присланные сведения о товарищах...

А вообще я сделал вывод, что война — серьезный экзамен для всех наших людей, вне зависимости от того, насколько они были «патриотичны» до войны, когда им не угрожала никакая опасность. Про себя я должен сказать, что этот экзамен выдержал, хоть и дорого пришлось заплатить. Но зато верность Родине доказал делом. За последние бои награжден медалью «За отвагу». Конечно, это не очень высокая награда, но я ее заслужил честно. Да и вообще солдат должен проявить мужество и определенную долю риска, прежде чем получить награду. Но хватит философствовать. Сейчас нас вывели во второй эшелон. Живем в хатах и даже есть возможности поспать иногда на настоящих кроватях (не слыханная роскошь!).

Получил письмо от Лукьянчикова и Лизы Корсунской. Вот пока и все. С гвардейским приветом Захар [Беров].

Захар Маркович Беров — окончил литературный факультет Кабардино-Балкарского

педагогического института в 1942 году вместе с Ф. И. Иванченко и М. М. Лукьянчиковым.

Вместе с А. Н. Лебедевым и Н. И. Васковским служил в 6-й гвардейской бригаде 10-го гвардейского стрелкового корпуса. 25 января 1943 года 10-й гвардейский корпус перешел в наступление в районе Горячего Ключа. В результате ожесточенных боев ко 2 февраля гвардейцы вышли к Лакшкуру. 5 февраля началось наступление на Тахтамукай. Переходя в частные контратаки, враг оказывал упорное сопротивление. В этом бою красноармеец Беров был тяжело ранен и эвакуирован в тыл. Лечился в госпитале в Сочи. Из госпиталя вернулся, когда корпус был уже на Украине. Освобождая Правобережную Украину, выпускник нашего вуза Захар Маркович Беровпал смертью храбрых.

Письмо седьмое. 18 сентября 1944. Действующая армия.

«Добрый день, дружище! Твое письмо получил. Спасибо. Шлю тебе свой боевой привет с Украины. Радуюсь, что вижу ее возрождение. А 5 сентября (запомни!) — день полного освобождения ее. Киев салютовал этой победе, но мне не удалось побывать на этом торжестве. Дела идут успешно, и мне кажется, что 1945 год будем встречать в мире.

Алена! Еще на одного уменьшилась наша команда: при уничтожении вражеского десанта 5 августа погиб Миша Будовой. Об этом написала мне Катя Шкода. Нам немало пришлось с ним пережить, когда эвакуировались

в Азербайджан, а позже в Кзыл-Орду. Того
он мне жизнь спас. А как мечтал он о жизни.
Прости, что мое письмо с такой грустной не-
кой. Вспомнилось все пережитое.

С красноармейским приветом, твой Фед
[Иващенко].

Михаил Мефодьевич Будовой в 1939 году
поступил в Харьковский библиотечный институ-
тут, но окончить не успел. В сентябре 1941 го-
да эвакуировался в Нальчик. Кандидат в чле-
ны ВКП(б). В 1942 году окончил литератур-
ный факультет Кабардино-Балкарского пе-
нинститута. В марте 1943 года возвратился в
Нальчик, работал в Наркомпросе, там же
принят в члены партии и по партнабору на-
правлен на службу в органы госбезопасности.
Службу проходил в звании младшего лейт-
нанта на должности старшего оперуполномо-
ченного. Во время уничтожения вражеской
диверсионной группы был тяжело ранен
5 августа 1944 года скончался от ран.

Таковы судьбы воспитанников вуза, о кот-
рых поведали письма военных лет.

КОМСОРГ БАТАЛЬОНА

Первые сведения о Николае Фумбарове по-
лучены от Михаила Михайловича Лукьяни-
кова.

— Новый, 1941/42 учебный год уже нача-
лся,— вспоминал он при встрече,— когда к на-
на третий курс литературного факульте-
тициел новичок. Как вскоре выяснилось, это
был Николай Фумбаров, учился он в Киров-

градском пединституте. По заданию советских органов участвовал в эвакуации скота с Украины. Добрался до Прохладного. Там, после выполнения задания, ему посоветовали продолжить учебу. И это привело его на наш курс. Николай оказался не только моим однокурсником, но и соседом по комнате в студенческом общежитии. Парень очень общительный, он быстро нашел общий язык с товарищами по учебе. Его умение сходиться с людьми, отзывчивость и веселый нрав быстро尋скали всеобщее признание, и вскоре не было в институте человека, который бы не знал Николая...

Из дальнейшего рассказа стало известно, что Фумбаров был хорошим спортсменом, совмещал учебу с выполнением лаборантских обязанностей, успевал нести десяток общественных поручений и находился в гуще дел и забот студенческой молодежи.

В октябре 1941 года студентов направили на сооружение оборонительных рубежей в районе Прохладного. Николай и здесь оказался человеком нужным. В Прохладном жила его мама. Он познакомил ее с товарищами по институту и не раз, когда у ребят возникали финансовые и другие материальные затруднения, обращался к ней за помощью.

М. М. Лукьяниченко с душевной теплотой вспоминал о том, сколько трогательной заботы проявляла мама Фумбара о них, подкармливая, обстиривая и латая одежду. Время было трудным, поэтому проявление такого внимания ценилось особенно дорого. Вскоре участники сооружения оборонительных рубежей вернулись из-под Прохладного в

Нальчик. В связи с войной их курс переводился на ускоренную подготовку с таким расчетом, чтобы к лету осуществить выпуск.

— Хорошо помню,— продолжал рассказ Михаил Михайлович,— что Фумбаров был в нашем ускоренном выпуске. Но с нами не эвакуировался, и следы его я потерял. А когда я вернулся в Нальчик и работал в Кабардино-Балкарии, незадолго до окончания войны узнал, что Николай погиб. Но при каких обстоятельствах это произошло, никто из наших однокурсников не знал. Не удалось тогда связаться и с Лидой Тепловодской. Она дружила с Фумбаровым и могла знать о его судьбе больше других...

Таковы были первые сведения. К сожалению, никто из бывших студентов не помнил ни отчества Николая, ни его года рождения. Поэтому не было смысла делать запрос в архив.

Думалось, что другой информации о Фумбарове мы так и не получим, как вдруг, после выхода в свет книги «Долг памяти», из Волгограда пришло большое письмо от Лидии Николаевны Куликовой (Тепловодской).

«...Я очень ждала,— писала она,— что в этой книге найду подробности о судьбе Николая Фумбарова. Он заслуживает того, чтобы о нем не забыли. Это был редкой доброты в душевной щедрости человек. Пишу об этом с волнением, потому что Николай не только мой друг, но и как сын для моих родителей. Трудно говорить о тех чувствах, которые меня одолеваю. Но все эти годы хочу выяснить, где он погиб...»

Далее в письме сообщалось о том, как Фум-

баров оказался в Нальчике, как учился, с кем дружил.

«...9 августа 1942 года Николай пошел проводить нас в эвакуацию. Отец ждал машину. Но по какой-то причине она не пришла. Всю ночь мы так и прокоротали в районе железнодорожного вокзала. Утром стало ясно, что в путь надо отправляться пешком. Поэтому отец попросил Николая сбегать в институт и привести пару тапочек. В сапогах далеко уйти он не мог. Через час мой друг вернулся с вещами и с известием, что институт эвакуировался. Учебный корпус и общежитие пусты. Ему оставили в тумбочке документы и вещи. Пришлось идти вместе с нами. Помню, дошли мы до Майского, но на поезд сесть не смогли. Продолжали путь сначала до Гудермеса, а потом и до Дербента. Оттуда поездом добрались до Баку, через Каспий — на пароме. Где-то в Средней Азии обосновались родные Николая. Там он с нами расстался...»

О дальнейшем Лидия Николаевна знала из писем, которые регулярно присыпал ей Николай. Будучи призванным в армию, получил он направление в военно-пехотное училище, располагавшееся в Узбекистане. Потом воевал. Писал, что в 1943 году награждался орденом.

«...Связь с ним прервалась в 1944 году,— продолжала рассказ Лидия Николаевна.— Но все мои попытки что-либо выяснить о его судьбе так и не принесли никаких результатов...»

Через Л. Н. Куликову удалось получить данные о Фумбарове, и я направил запрос в Центральный архив Министерства обороны СССР. Ответ, полученный из Главного управ-

ления кадров, гласил: «Комсорт 1-го стрелкового батальона 4-го гвардейского стрелкового полка 6-й гвардейской стрелковой дивизии Фумбаров Колман Гершкович (так по учету) пропал без вести. Дата не указана. Его дальнейшую судьбу и воинское звание прошу уточнить через Центральный Архив МО СССР. Полковник Прокошев».

И снова пошел запрос. На него последовал более обстоятельный ответ, хотя вопросы остались.

«...Рядовой 4-го гвардейского стрелкового полка 6-й гвардейской стрелковой дивизии Фумбаров К. Г., 1922 года рождения, уроженец Кировоградской обл., М. Добровеличкова, призван в Советскую Армию Джумским РВК Самаркандской области, пропал без вести 7 февраля 1944 года.

Одновременно сообщаем, что в книге учета награжденных за 1944 год значится: «Комсорт 1 стр. б-на Фумбаров К. Г. награжден орденом Красной Звезды (Пр. № 08/н 60-й армии, 16.01.44 г.)».

В боевых донесениях 4-го гв. стр. полка 6-й гв. стр. дивизии с 6.02.44 г. по 8.02.44 г. 1-й стрелковый батальон прочно удерживал перекресток дорог: Ровно — Млынув, Дубно — Луцк и держал оборону в районе г. Ровно...»

Ответ невольно вызвал ряд вопросов. Действительно, почему выпускник военного училища попал на фронт рядовым? Почему комсоргу батальона не присвоили офицерского звания? Ведь это не рядовая должность? Таких «почему» было множество. Мне уже казалось, что на все эти вопросы так и не

удается получить ответов, как та же Лидия Николаевна прислала вырезку из газеты «Волгоградская правда», где под рубрикой «Откликнись, товарищ!» сообщалось:

«Г. П. Чанин ищет односельчан, бывших курсантов военно-пехотного училища в Намангане, 3-й стр. роты. Учились с декабря 1942 г. по июль 1943 г. Служили в 6-й гв. стр. дивизии». Там же сообщался адрес Г. П. Чанина.

Я незамедлительно написал ему письмо и вскоре получил ответ.

«...Не поверите, — писал он, — все эти послевоенные годы я безуспешно пытался разыскать кого-нибудь, кто располагал бы хоть какими-то сведениями о моем самом близком друге — Николае Фумбарове. И как ни печальна весть, которую Вы сообщили, я искренне благодарен Вам за труд, который вкладываете в сбор материалов о безвестных героях.

Теперь по порядку. Моя первая встреча с Николаем произошла в ноябре 1942 года в Алма-Ате в городском военкомате. Там формировалась группа, которую направляли в Харьковское военно-пехотное училище, находившееся в ту пору в Намангане. С первого и до последнего дня расставания мы крепко дружили, делились последней крохой хлеба, радостями и печальми. Мы всегда во всем понимали друг друга с полуслова, отлично учились, поддерживали товарищей, выступали в одной спортивной команде, служили в одном отделении 3-й стрелковой роты. В июле 1943 года пришел приказ о сокращении

численного состава училища. Мы не успели пройти практику, и нас, 32 курсантов, намеревались перевести в другое училище. А мы рвались на фронт, и каждый написал рапорт. В августе просьбу нашу удовлетворили, и мы, вместе с курсантами других училищ, прибыли на Центральный фронт.

Как сейчас помню разгрузку на станции Арбузово и распределение. Меня направили в 34-й гвардейский артиллерийский полк, моего друга — в 4-й гвардейский стрелковый полк. Рано утром 26 августа 1943 года мы с ним простился, а во второй половине дня уже принимали участие в боях. Вскоре я был ранен и потерял следы своего друга...»

22 сентября 1943 года началось форсирование Днепра. 6-я гвардейская дивизия направлялась в районе Теремцов и оказалась зажатой в треугольнике между Днепром, Припятью и плавнями междуречья. Требовалось расширить плацдарм и выйти на простор. Задача форсирования Припяти выпала на долю 4-го гвардейского стрелкового полка. С ней воины-гвардейцы справлялись успешно. Николай Фумбаров писал, что награжден орденом.

НаПравобережную Украину пришел он в должности комсорга первого батальона. Судя по письмам, которые писал Гелловодской воевал Фумбаров храбро и не раз отмечался командованием. Но долгое время не удавалось выяснить обстоятельств последних фронтовых событий, в которых довелось ему участвовать. Наконец, поиски привели к установлению связи с советом ветеранов дивизии в результате чего нашлись участники те-

боев. Из множества полученных мною писем хочу привести только два. Одно от бывшего начальника штаба 4-го гвардейского стрелкового полка подполковника запаса Павла Афанасьевича Иванюшина: «...Нет, не мог в ту пору Фумбаров пропасть без вести. Лично я его не знал. Но уверен, погиб он, как герой. Как мне помнится, полк вел наступательные бои. В окружение ни одна из рот не попадала. Но потери были велики. Для развития наступления нам придали танковое подразделение. Все наши роты были посажены на танки и ушли вперед. Убитые оставались на поле боя, и кто их хоронил, мне неизвестно. Поэтому следует считать, что Фумбаров погиб при нашем наступлении на Ровно, а место захоронения неизвестно...»

Второе — от бывшего комсорга 4-го гвардейского стрелкового полка Ивана Васильевича Бабича. «...Николая Фумбара помню. Хороший парень. Воевал храбро. Его можно было видеть в самых горячих местах. В батальоне, да и в полку, пользовался заслуженным авторитетом, умел находить общий язык и с новобранцами и с ветеранами. Люблили его за широкую нагуру, стремление прийти на помощь в трудную минуту, за беззаветную храбрость и неунывающий характер... Я хотел, чтобы он был направлен на краткосрочные курсы политсостава. Но события развернулись так, что этому не суждено было сбыться. В разгар нашего наступления на Ровно меня командировали в Киев на совещание-семинар в политуправление 1-го Украинского фронта. А когда вернулся в полк, то узнал, что 6 и 7 февраля 1944 года первый

батальон нашего полка вел тяжелый бой в районе узла дорог, связывающих по фронту основные вражеские коммуникации. В том бою погибли многие бойцы и командиры. Тогда же смертью храбрых пал комсорг батальона Николай Фумбаров. Так как вскоре личный состав полка принял участие в танковом десанте, то место захоронения так и не зафиксировано. Считаю, что прах его похоронился в одной из братских могил безымянных героев в указанном районе.

Надеюсь, что красные следопыты Ровенской области, которые идут по славному боевому пути нашей дивизии, сумеют установить место захоронения комсорга батальона».

Такова судьба выпускника литфака нашего вуза.

ЧЕРЕЗ ГОДЫ, ЧЕРЕЗ РАССТОЯНИЯ...

Первую информацию о судьбе Якова Михайловича Шварцмана я получил от Александра Константиновича Резникова. «...9 августа 1942 года, — писал он, — я в институте не был, так как накануне дежурил в штабе истребительного батальона и ночевать остался у родственников в городе. Когда, день спустя, прибежал в институт, там уже никого не было. Студенты и преподаватели эвакуировались. В деканате я нашел свою зачетную книжку с аккуратно поставленными печатями. Так как всюду был расклеен приказ о мобилизации мужчин от 16 до 50 лет, то в спешном порядке собрал вещи и направился в военкомат. Нас определили в команд

№ 0501, и в ней я пешком дошел до Дербента, в окрестных селах которого формировалась 317-я стрелковая дивизия. Из институтских ребят со мной были Яков Шварцман и Владимир Цымбал. Они остались в 317-й дивизии и, по полученным мною сведениям, оба погибли»...

Но информация Резникова оказалась не совсем верной. Действительно, выпускник исторического факультета Владимир Иосифович Цымбал служил и воевал в составе 317-й стрелковой дивизии, в декабре 1942 года в одном из боев в районе Верхнего Курина был смертельно ранен и скончался в госпитале.

Что же касается Шварцмана, то произошла ошибка. Первым отверг известие о его гибели Герой Советского Союза Сергей Васильевич Стеблинский. Он знаком с Шварцманом еще по учебе на вечернем отделении Кабардино-Балкарского педрабфака и совсем недавно встречался с ним в Кисловодске. Потом немало о своем товарище по учебе рассказывали Иван Иванович Кондратенко, Шакир Сабиржанович Тенишев, Владимир Иванович Дедков. А Абрам Соломонович Шаулов сообщил даже его адрес и номер квартирного телефона.

Я написал Якову Михайловичу письмо, а потом позвонил. Он обещал приехать в Нальчик, но болезнь помешала этой поездке.

Прошло довольно много времени, пока удалось выбраться в Кисловодск. Да и то на продолжительный визит к Шварцману рассчитывать не приходилось. Я хотел лишь познакомиться с ним и уточнить некоторые де-

тали, связанные с периодом его службы в 317-й стрелковой дивизии. В то время завершилась моя работа над небольшой книжкой о судьбах наших земляков, кому в годы войны довелось служить и воевать в этой дивизии.

Без особого труда отыскал я на улице Кутузова нужный мне дом, но не стал звонить в дверь. Рядом с домом в низкой изгороди имелась небольшая калитка, от которой тропинка вела в сад. Шла вторая половина осени. Листья осыпались. Сад стоял серым и скучным. Но день выдался солнечным, и за небольшим столиком в саду мужчина сидел на стул.

— Яков Михайлович? — боясь ошибиться, обратился к нему.

— Он самый, — отозвался мужчина, внимательно взглянув на меня и спросил: — Чем могу служить?

Но стоило мне назваться и сообщить о цели своего визита, как он тут же улыбнулся и жестом остановил мою речь.

— Знаю, знаю!.. Можете не продолжать. О Вас я наслышан больше, чем Вы обо мне. Рад, что такое большое и благородное дело Вами выполнено. Читал обе книжки о наших институтских ребятах. Мне их для знакомства любезно предоставлял Стамбулян...

— Но меня больше интересуют теперь ваши просы, о которых я писал Вам в письме.

— В 317-й служил я совсем недолго и особой информацией не располагаю. Хорошо помню, что Владимир Цымбал служил в роте противотанковых ружей. Но подробностей его ранений не знаю...

Из дальнейшего рассказа Якова Михайлова

вича выяснилось следующее: после окончания рабфака поступил он в Московское высшее техническое училище им. Н. Э. Баумана. Учился уже на втором курсе, когда вспыхнула советско-финляндская война и начались боевые действия на Карельском перешейке. Шварцман был неплохим спортсменом, а по лыжному марафону сумел даже завоевать второе место в училище. Поэтому, как только началось формирование комсомольского лыжного батальона, подал туда заявление. Пока их учили и готовили к боям, пока перебрасывали в район Сестрорецка, главные события уже прошли. Батальон расформировали. В училище до начала учебного года возвращаться не было смысла, поэтому поехал в Нальчик и начал работать в альпинистском лагере. Потом родители настояли о его переводе в Кабардино-Балкарский пединститут. Так стал Яков Михайлович Шварцман студентом второго курса физико-математического факультета КБГПИ.

— Думал, что и здесь до конца доучиться помешают события, — продолжал рассказ мой собеседник. — Ведь еще до завершения летней сессии на нашу страну напала фашистская Германия. Но последовал приказ: сту-

Я. М. Шварцман

дентов не призывать. Поэтому сначала вместе со всеми работал на оборонительных сооружениях в районе Прохладного, а затем по ускоренной программе завершал учебу...

В августе 1942 года началась его служба в 253-м отдельном пулеметном батальоне 317-й стрелковой дивизии. А когда дивизия вступила в бои на Курских рубежах, откомандировали старшину третьей пулеметной роты Я. М. Шварцмана на армейские краткосрочные курсы командного состава. Случилось так, что к моменту прибытия на курсы обучение там уже завершалось. Поэтому, после недолгих хождений по инстанциям, его допустили к сдаче экзаменов, аттестовали и в звании младшего лейтенанта направили в 34-ю стрелковую бригаду 11-го гвардейского стрелкового корпуса командовать пулеметным взводом. Бригада принимала участие в ожесточенных сражениях с танковыми группами противника на внешнем обводе Орджоникидзевского оборонительного района у Фиагдона и Майрамдага.

От Терского хребта фронтовые дороги привели 34-ю бригаду в Приазовские плавни. Во время одной из операций ударная группа бригады оказалась в окружении. Только благодаря пулеметчикам, которыми командовал Шварцман, противнику не удалось добиться успеха. А когда началось наступление нашей соседней части, группа прорвалась из окружения. За проявленное в тех боях мужество за вывод личного состава из окружения и нанесенный противнику урон командир пулеметного взвода Я. М. Шварцман был награжден орденом Красного Знамени.

Позже бригаду переформировали в стрелковую дивизию, которая освобождала Донбасс. Там, уже в качестве командира стрелковой роты, участвовал в боевых операциях лейтенант Я. М. Шварцман. Там получил сквозное пулевое ранение в грудь. За успешные действия награжден орденом Красной Звезды. На пути к Днепру снова получил ранение и из госпиталя был направлен в 105-й гвардейский стрелковый полк 35-й гвардейской стрелковой дивизии.

— Конечно, обо всем не расскажешь, — мой собеседник задумался, потом, как бы стряхивая нахлынувшие воспоминания, продолжал: — Я пришел в 8-ю гвардейскую армию генерал-полковника В. И. Чуйкова, когда она понесла большие потери в результате контрудара противника, нанесенного защитникам Днестровского плацдарма в районе Пугачены — Шерпены. Вскоре армию вывели в резерв, пополнили и перебросили на 1-й Белорусский фронт. Там довелось участвовать в наступлении к Западному Бугу, затем форсировать его и вслед за 2-й танковой армией выйти к Висле. К реке мы подходили на рассвете 30 июля 1944 года, тщательно соблюдая маскировку на марше...

К тому времени Я. М. Шварцман командовал третьим стрелковым батальоном 105-го гвардейского стрелкового полка. Перед рассветом 1 августа он со своими бойцами участвовал в форсировании Вислы и за мужество в боях на западном берегу реки был награжден орденом Отечественной войны II степени.

Во время наступления на Познань получил Яков Михайлович тяжелое ранение, перенес

несколько сложных операций. Потом на санитарном поезде попал в Кисловодск. До 1946 года находился Шварцман на излечении в военном госпитале. По выздоровлении остался в Кисловодске, вспомнил свою гражданскую профессию, начал учительствовать, сначала в СШ № 4, а последние 12 лет работал директором средней школы № 12 города Кисловодска. И пока он провожал меня к автобусной остановке, десятки молодых и пожилых людей тепло приветствовали его. В микрорайоне города, где столько лет было отдано обучению и воспитанию учащихся, все знают ветерана войны и труда и считают его и теперь в педагогическом строю.

— Самое удивительное, — улыбаясь и не скрывая волнения, говорил Яков Михайлович, — что даже малыши, которые пришли учиться, когда я уже ушел на пенсию, считают своим долгом шефствовать над бывшим директором школы...

Учащиеся и выпускники школы, педагогический коллектив хорошо знают и высоко целят не только ратный подвиг, но и мюноголетний труд на ниве народного просвещения Якова Михайловича Шварцмана — одного из уважаемых людей Кисловодска. А мне невольно подумалось: не напиши Резников в свое время о Шварцмане в письме однокурснице, так, быть может, и не удалось бы выяснить подробности о его фронтовой биографии и узнать о верности учительской профессии.

«ЭТА ПАМЯТЬ — НАША СОВЕСТЬ»

О том, как сражались на фронтах Великой Отечественной войны братья Жанатаевы из Гунделена, рассказало в очерке «Живая легенда» журналиста Азрета Теппева. Очерк был опубликован в республиканских газетах и в третьей книге «Боевая слава Кабардино-Балкарии».

Один из братьев — Юсуф Алиевич Жанатаев — до призыва в армию учился на заочном отделении физико-математического факультета нашего пединститута. Поэтому меня, естественно, интересовали подробности его армейской биографии. Но, как сообщил мне автор очерка, никаких документов о том периоде у родственников не сохранилось. Приведенные в очерке сведения и отрывок из письма к сестре Амикат воспроизводились по памяти. Неизвестно было, в какой части служил и воевал Юсуф Жанатаев, где и когда принял последний бой. Единственным фактом, который не вызывал никакого сомнения, явилось участие его в героической обороне Одессы. Все эти годы родственники и близкие так и считали, что там он и погиб.

Попытка выяснить подробности о судьбе Юсуфа Жанатаева через архив Министерства обороны результатов не дала. В ответе говорилось, что в числе командиров подразделений, оборонявших город-герой, его фамилия не значилась. Поэтому мне думалось, что вряд ли найдется живой свидетель, который сможет рассказать о прохождении им службы, участии в боях и обстоятельствах гибели. Но я ошибался...

В августе 1985 года мне позвонил московский журналист Яков Яковлевич Васьковский. Он отдыхал в санатории «Эльбрус» и сообщил, что в Нальчик ехал не только на отдых, но и чтобы собрать материалы о Ефиме Андреевиче Малышеве. До призыва в армию Малышев работал инструктором оргинструкторского отдела Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б), затем служил на должности комиссара 54-го Разинского стрелкового полка 25-й Чапаевской стрелковой дивизии, принимал участие в героической обороне Севастополя и смертью храбрых пал 3 июля 1942 года.

Не знаю, кто из городского совета ветеранов посоветовал Васьковскому обратиться ко мне, но по этой рекомендации и состоялось наше знакомство. А встреча позволила открыть еще одну страницу славной летописи минувшей войны.

И хотя в главном вопросе особой помощи Васьковскому я оказать не мог, мне было интересно узнать об истоках поиска.

Долгой и обстоятельной была наша беседа. Выяснилось, что Яков Яковлевич не только с первого и до последнего дня принимал участие в Одесской оборонительной операции, но и долгие годы занимался изучением архивных документов, лично знаком со многими ветеранами Чапаевской дивизии. Поэтому я и спросил его, не рассчитывая на особый успех, не встречалась ли фамилия Жанатаева среди имен защитников города-героя. Мой собеседник задумался, а потом сказал:

— Одессу защищали три дивизии и моряки Черноморского флота. Боя шли в трех сек-

Ю. А. Жанатаев

в начале августа 1941 года из резерва Южного фронта. Служил рядовым в первой стрелковой роте. В конце августа ему было присвоено сержантское звание, и стал он командиром отделения.

«...В период напряженных боев под Одессой, — писал Васьковский, — сержант Жанатаев проявил себя бесстрашным человеком. Даже по скромным строчкам архивных документов можно судить об этом. Ведь только за проявленное в боях мужество его назначили командиром взвода. Я вспомнил, что мы с ним встречались в ту пору, когда его перевели на должность командира взвода в 5-ю стрелковую роту... Но самое главное заключается в том, что Юсуф Жанатаев не погиб в Одессе. До последнего дня обороны города героя участвовал он в боях, и вместе со свои-

лучения подробных комментариев событий, в которых он принимал участие. Для меня явилось открытием то обстоятельство, что Жанатаев был знаком с комиссаром подка Мальцевым...»

А месяца через полтора последовало большое и обстоятельное письмо. Из него стало известно, что Юсуф Алиевич Жанатаев прибыл в 54-й Разинский полк

ми однополчанами был эвакуирован в Крым...»

Дальше, как следует из письма, Разинский полк принимал участие в ожесточенных боях на Ишуньских позициях. Сдерживая превосходящие силы противника, храбро дралась 5-я рота. Критический момент наступил, когда из строя вышел весь командный состав. И тогда командование ротой принял на себя Юсуф Жанатаев. В те дни на позиции роты прибыл комиссар полка Ефим Андреевич Мальцев. Там состоялась встреча и знакомство земляков. От Ишуньских рубежей довелось им пройти рядом трудными дорогами отступления до Южного берега Крыма. В боевых донесениях так и именовалась часть Разинского полка, как группа комиссара Мальцева. В первых числах ноября 1941 года эта группа вышла к Гурзуфу. Стояли ясные солнечные дни осени. Вдали так мирно плескалось голубое море. Ничто не предвещало беды. Рота Жанатаева, изрядно поредевшая в предыдущих боях, первой вышла к санаторию РККА. Видя белоснежные корпуса в зелени кипарисов, бойцы предвкушали отдых после утомительного перехода через горы. И вдруг из-за зеленой изгороди благородного лавра рванула автоматная очередь. Оказывается, враг уже успел захватить Гурзуф, и группа комиссара Мальцева столкнулась с его прикрытием. На территории санатория разгорелся бой.

Благодаря внезапности и мужеству советских воинов вражеский гарнизон был разгромлен. В этом бою смертью храбрых пал командир 5-й стрелковой роты 54-го Разий-

ского полка Юсуф Алиевич Жанатаев. 5 ноября 1941 года, прощаясь с ним, бойцы и командиры группы комиссара Мальцева поклялись отомстить ненавистному врагу. И клятву свою сдержали с честью, громя фашистских захватчиков на подступах к городу-герою Севастополю.

Свой рассказ мне хочется завершить словами поэта Юрия Воронова:

Я не напрасно беспокоюсь,
Чтоб не забылась
та война,
Ведь эта память --
Наша совесть.
Она, как сила,
нам нужна.

ОТ ОРДЖОНИКИДЗЕ ДО ПРАГИ

Об одном факте из истории вуза, о котором раньше никто не упоминал, сообщили Александр Константинович Резников,

«...В 1941 году, — писал он, — после летней экзаменационной сессии, по решению бюро обкома комсомола, нас, группу студентов из 35 человек, получивших отсрочку от призыва в армию, направили на Тырныаузский вольфрамо-мolibденовый комбинат для службы в военизированной охране. Как мне помнится, основную массу составляли студенты физмата, несколько человек было историков, а из литераторов я оказался единственным. В третьем взводе вместе со мной несли службу студенты физико-математического отделения

Виктор Гладилин,
Александр Савенко
и Виктор Русин.
Поработали мы на
комбинате месяца
два, и нас отзвали
в пединститут, а
скоро направили на
строительство оборо-
нительных соору-
жений.

...После войны я
встречался только с
Савенко. Он заочно
закончил пединсти-
тут и работал в ту
пору директором

школы рабочей молодежи в Тырыаусе. При-
мечательно, что этот юноша приводил нас и
студентов-кабардинцев в изумление, в совер-
шенстве владея кабардинским языком. Мне
известно, что Савенко не только хорошо учил-
ся, но и воевал и самоотверженно трудился
на учительском поприще. Хотелось бы, чтобы
о его судьбе было сказано теплое слово».

Я неоднократно предпринимал попытки
встретиться с Александром Даниловичем Са-
венко. Но обстоятельства складывались так,
что нам все не удавалось переговорить. Лишь
однажды состоялся короткий телефонный
разговор. Он не без интереса узнал, что то-
варищи по учебе помнят его, что открыты
новые страницы из биографий хорошо знакомых
ему по студенческой скамье друзей. А весть о том, что жив Яков Михайлович Шварцман, его буквально потрясла.

А. Д. Савенко

По моей просьбе через некоторое время прислал Александр Данилович письмо.

«...Наш разговор, — сообщал он, — заставил вспомнить давно прошедшие, но всегда прекрасные студенческие годы, до краев наполненную кипучую жизнь, вспомнить тех, кого уже нет рядом, и кто прошел через все испытания...

Коротко о себе. С конца августа 1941 года и по август 1942 года — командир взвода истребительного батальона. Потом эвакуация, пешком через перевал в Грузию и Азербайджан. Там был призван. Служил и воевал рядовым бойцом 276-го стрелкового полка 77-й стрелковой дивизии».

Дальше выяснилось, что направили Александра Даниловича в первое Ростовское артиллерийское училище. Окончив его, попал на 1-й Белорусский фронт. После демобилизации учился и работал. За заслуги в деле народного образования в 1965 году удостоен почетного звания «Заслуженный учитель школы РСФСР».

Нет в Тырныаузе человека, который не знал бы Александра Даниловича Савенка. От юных школьников до ветеранов партии и труда. И после ухода на заслуженный отдых не может он не быть в гуще дел и событий. Не случайно довелось ему не только учитывать, но и находиться на партийной и советской работе, избирался он заместителем председателя городского Совета народных депутатов.

Как сообщили мне из Тырныаузского горкома КПСС, и теперь Александр Данилович ведет большую идеально-воспитательную рабо-

ту с молодежью, являясь председателем городского совета ветеранов войны и труда. Поистине, не стареют душой ветераны.

«...Спасибо Саше Резникову, — заключал свое послание Савенко, — что вспомнил меня добрым словом. А почему раньше о нем ничего не было написано? Думаю, он заслуживает того, чтобы о нем не забыли».

На этот вопрос я хочу ответить словами самого Резникова.

«...Меня в Дагестане, — писал он, — в 317-ю стрелковую дивизию никто не стал брать, потому что против моей фамилии значилось: «Ограниченно годен, не обучен». Пришлось ехать поездом в Грузию. В Гори шел набор в какую-то часть, и там меня взяли в 852-й артиллерийский полк 276-й стрелковой дивизии»...

Так началась армейская служба Александра Резникова. Пока осваивал он премудрости линейной связи, пока шла боевая учеба, возникла угроза прорыва немецко-фашистских войск на нальчикско-орджоникидзевском направлении. Предвидя опасность выхода противника к Военно-Грузинской дороге и Дарьяльскому ущелью, Ставка Верховного Главнокомандования 29 сентября 1942 года отдала приказ о выдвижении резервов и укреплении нашей обороны на этом участке. В то время 276-я стрелковая дивизия была переброшена в район Редант, Балта для усиления обороны города Орджоникидзе.

Именно здесь и суждено было Александру Резникову вместе со своими однополчанами получить боевое крещение. Их дивизия участвовала не только в отражении вражеского

наступления, но и в разгроме гизельской группировки противника. В трудные дни боев 1942 года контрудар Северной группы войск Закавказского фронта явился добрым предвестником разгрома немецко-фашистских захватчиков на Северном Кавказе.

«...Моя военная биография очень скромна, — писал Александр Резников. — Всю войну я прослужил в звании сержанта. С марта по август 1943 года я был командиром отделения связи в 8-й гаубичной батарее 3-го дивизиона. Тяжел труд связистов на войне. Но сознание важности, необходимости этого труда вызывает чувство гордости. После контузии 11 сентября 1943 года меня перевели на должность командира отсечения топографической разведки. Ходить приходилось много. Более интересная работа — разведка целей для стрельбы. Но это для артиллерийских разведчиков. А мы занимались подготовкой данных, размножением схем перед наступлением».

Памятна и дорога для Резникова первая ваграда. Когда началось наступление против таманской группировки противника, дивизия входила в состав ударной группы 9-й армии и в ночь на 19 сентября 1943 года форсировала реку Курка. Вместе с пехотой шли артиллеристы. К исходу дня был освобожден хутор Курчанский, и дивизия продолжала наступление в направлении на Темрюк. Когда завершились бои на Таманском полуострове, грудь Александра Резникова украстила медаль «За отвагу».

В конце 1943 года 276-я стрелковая дивизия была переброшена на Украину и прини-

мала участие в отражении вражеского контр-удара в районе Житомира, а затем в наступлении на Правобережной Украине.

4 марта 1944 года войска 1-го Украинского фронта начали Про сковско-Черновицкую наступательную операцию. На следующий день стрелковые полки 276-й дивизии вместе с артиллерией, которая следовала в боевых порядках пехоты, перешли в наступление.

«...Меня до сих пор удивляет, — вспоминал Александр Константинович, — откуда брались силы, чтобы, утопая по колено в грязи, буквально на руках перетаскивать орудия. На Украине пришлось мне досконально освоить специальность топоразведчика и даже стать командиром отделения топографической разведки. Никогда не забуду, как рано утром 10 марта мы вместе с пехотой вошли в Хмельник — важный опорный пункт на Южном Буге, а уже на второй день форсировали реку и захватили плацдарм юго-западнее города Хмельник... Да разве можно обо всем написать...»

От Орджоникидзе до Праги прошел Александр Константинович Резников фронтовыми дорогами, был награжден орденами Отечественной войны II степени и Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги» и другими. На фронте приняли его в партию.

Сохраненная Резниковым зачетная книжка позволила ему сразу же после войны демобилизоваться и вернуться в институт. Учился он охотно и хорошо. Свидетельством тому диплом с отличием, который вручили ему в 1948 году.

Естественно, мне хотелось как можно боль-

ше выяснить о том, как складывалась биография выпускника нашего вуза в послевоенные годы. В нашей республике работал он всего пять лет. Сначала директором средней школы, затем заведующим отделом пропаганды и агитации Лескенского райкома партии.

«...В 1953 году из-за тяжелой болезни отца, — писал он в одном из писем Л. Н. Куликовой, — вынужден переехать в Армавир и работал школьным инспектором горено. Как видишь, крупный начальник из меня не вышел. Но я нисколько не обижаясь на жизнь и судьбу.

После войны в институт вернулись из наших однокурсников Александр Дудецкий и Григорий Бласенко. С Лидией Павловой встречался в ту пору, когда она работала в обкоме партии. Года три или четыре назад меня разыскала Ольга Турбина. Но встретиться с ней так и не удалось, хотя в Нальчике я бывал раза два. Втайне мечтаю о встрече с нашей студенческой юностью... Но вряд ли это возможно...»

Вырастил и воспитал Александр Константинович двух сыновей. Один окончил политехнический институт и работает инженером. Второй пошел по стопам отца и стал учителем.

Таковы судьбы выпускников вуза, учебу которых на четыре года прервала война.

БЫТЬ НА ЛИНИИ ОГНЯ...

Хоть и ждали они этого часа давно, повестка из городского военкомата о срочной

явке заставила каждую из них изрядно поволноваться. Самым трудным оказалось сообщить своим родным о твердо принятом решении стать в ряды защитников Родины. Заявления писали они раньше. Военными специальностями овладевали на курсах при пединституте и при Осоавиахиме. А вот о том, что придется собираться в путь-дорогу, както не задумывались. Тут еще и обстановка сложилась довольно трудной.

С утра 25 октября 1942 года немецко-фашистская авиация подвергла ожесточенной бомбардировке районы Долинска и Хасаны, над городом клубился дым пожарищ. Со стороны Баксана доносился гул канонады. Чувствовалось, что над их родным Нальчиком нависла опасность вражеского вторжения. Поэтому и мысли витали о том, что из военкомата сразу попадут они на линию огня в действующую армию. Собирались быстро. Попроцались, изо всех сил стараясь скрыть слезу. Все как-то мгновенно повзросли. «Девичью команду», как шутя называл военком их группу, построили, разбили на отделения и взводы и сообщили, что направляют их в запасной полк 37-й армии.

В сторону Орджоникидзе все дороги были забиты отходящими тыловыми подразделениями. Эвакуировались госпитали и государственные учреждения, увозилось оборудование предприятий, потоком шли беженцы. Гул близкого сражения заставлял всех торопиться. И хотя заканчивался октябрь, дни стояли ясные и солнечные. Пыль клубилась над проселками и полями. Для вражеской авиации, которая в ту пору господствовала в воздухе,

Л. А. Павлова

нина тех событий,
студентка лите-

турного факультета Кабардино-Балкарского педагогического института Лидия Александровна Стерлева (Павлова), — девушки не роптали, стойко переносили все тяготы, выпавшие на их долю. Никто из нас и предполагать не мог, что еще до начала армейской службы доведется заглянуть смерти в глаза. Для меня, например, самое незгладимое впечатление на всю жизнь оставила «встреча» на марше с вражеским летчиком. Мы миновали Чиколу. Открылась широкая лощина, по ней двигалось гражданское население. Вскоре и мы вышли на эту лощину. Над дорогой откуда-то из-за леса появился вражеский самолет. Донеслись взрывы бомб и пулеметные очереди. «Врасыпиную!» — скомандовал сопровождавший нас командир. Кто бросился к кустам, а кто упал прямо в придорожную ныль. Большинство из наших девочек уткнулись лицом в землю. А я не выдержала, легла на спину.

складывались благоприятные условия для нанесения бомбовых ударов по нашим отходившим частям и тыловым коммуникациям.

— Несмотря на очень сложную обстановку и трудности первых дней пути, — вспоминала спустя годы участ-

И страшно было и любопытно: какой он, вражеский самолет? Летчик вел машину на бреющем полете. Изредка раздавались пулеметные очереди. То ли боекомплект был на исходе, то ли ему хотелось подольше держать нас в таком состоянии. Отчетливо виднелись кресты на плоскостях. Но больше всего меня потрясла не опасность, а наглость летчика. Ведь он видел, что внизу на земле не было ни военных машин, ни орудий. Ни один выстрел не раздался с земли. Все пространство усыпано было гражданскими лицами. Там, где лежали мои подруги, самолет накренился, и я отчетливо рассмотрела вражеского пилота. Глаза его прикрывали очки, но губы растянула наглая улыбка от того, что сотни людей в страхе прижимались к земле, ожидая в спину пулеметной очереди. Не страх, а гнев переполнил мое сердце. Как хотелось выстрелить в эту наглую рожу! Но, к сожалению, тогда оружия ни у кого из нас не было. Я лишь погрозила в след самолету кулаком. За войну пришлось многое видеть. Но тот случай по-особому запал в душу. Как вспомню о нем, так все во мне клокочет...

Лидия Александровна замолчала, смахнула платочком набежавшую слезу и задумалась. Потом стала рассказывать о том, что не сразу стали они солдатами. Многие девушки, кому довелось окончить курсы медицинских сестер при педвузитуте и республиканском комитете Красного Креста, из запасного полка получили направления в медсанбаты и военные госпитали. А большинству пришлось осваивать новые профессии связи-

сток, снабженцев, строителей и даже ловаров.

Довелось и Лиде Павловой менять военную профессию. Направили ее в 30-й отдельный дорожно-эксплуатационный батальон. Ноябрь и декабрь сорок второго года запомнились напряженными боями на территории Северной Осетии, где их батальон строил и содержал в надлежащем порядке дороги в ближайшем тылу 37-й армии, в силу сложившихся к тому времени обстоятельств оказавшейся прижатой к предгорьям Центрального Кавказа.

В один из дней после ожесточенных боев в районе Орджоникидзе к ним прибыли остатки воинской части, направлявшейся в Закавказье на переформирование. Когда бойцы расположились на привал, к дежурившей Павловой подошел один из них, совсем еще юноша, и спросил: «Неужели это ты, Лиза?» Она присмотрелась и воскликнула: «Толик! Сундуков!» «Он самый», — улыбнулся боец и крепко пожал ее маленькую руку. Они оба учились в средней школе № 3, всю помнили школу, свой дружный класс, учителей, знакомых по городу. Обменялись информацией о тех, кто воюет, договорились писать друг другу и расстались.

В феврале 1943 года дороги наступления привели батальон, в котором служила Павлова, на Кубань. Там уже начальником регулировочного поста несла службу Лидия Александровна. О том, как выполняла она свой долг, свидетельствуют благодарственное письмо командования батальона родителям и первая награда. Кстати, она первой из ро-

ты была награждена медалью «За боевые заслуги».

— Как это ни странно, — продолжала рассказ Лидия Александровна, — но труднее всего пришлось, когда меня и Катю Коновалову (тоже нальчанку) направили на питательный пункт. Катя имела навыки работы повара, а я выполняла обязанности помощника повара. Помню, что хроническое недосыпание приводило иногда в отчаяние. Казалось, уснуть могла стоя. Но эту работу тоже требовалось кому-то выполнять. Вот и старались... Еще до окончания операций на Таманском полуострове 37-я армия была передислоцирована в Воронежскую область. Выпала небольшая передышка. Там получила Лидия Александровна направление на курсы, а после их окончания на службу в отдел контрразведки «Смерши» 10-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады. В этой бригаде довелось пройти фронтовыми дорогами от Кривого Рога до города Сливен в Болгарии. В армии стала она кандидатом в члены партии.

А когда кончилась война, так случилось, что в институт вернулась не сразу. Работала в Совете Министров КБАССР, в аппарате областного комитета партии, заведующей сектором учета Баксанского райкома КПСС. А встретиться и познакомиться с нею довелось мне при довольно любопытных обстоятельствах. В 1983 году вышла в свет моя книга «Долг памяти». Как отклик на нее прислала письмо Лидия Николаевна Куликова (Тепловодская) из Волгограда. «...Прочла жадно и одним духом, — писала она. — Сколько судеб

раскрылось передо мной! Как много дорогих сердцу людей я нашла в книге! Спасибо Вам за труд. Вместе с тем очень удивилась, что в книге ничего не рассказано о Лиде Павловой. Она училась в пединституте в нашей группе, на фронт ушла добровольно, служила до конца войны, живет и работает в Нальчике. Об этом писал мне наш однокурсник Саша Резников...»

Но все попытки разыскать Павлову не увенчались успехом. И только после того, как было переслано мне письмо Резникова, через партархив удалось установить ее новую фамилию и договориться о встрече.

— Считала, что о нас совсем забыли, — взволнованно говорила Лидия Александровна. — Спасибо Лиде Тепловодской. Напомнила обо мне. Не без слез знакомилась с письмами моих друзей по учебе и с книгами «Поиск продолжается» и «Долг памяти». Встретила многих дорогих мне друзей по учебе. Счастлива, что в самую трудную для нашей страны пору они остались верны своей Родине, грудью встали на ее защиту. Низко склоняю голову перед памятью о тех, кто отдал жизни за нашу Победу...

Трудно поверить, что эта невысокая и на вид очень хрупкая женщина могла пройти вместе со своими товарищами по оружию такой нелегкий путь военных испытаний. Прекрасное чувство любви к Отчизне звало их на линию огня, звало на подвиги...

УШЛИ В БЕССМЕРТИЕ

Николай Августович Нонац — один из двенадцати первых выпускников физико-математического факультета Кабардино-Балкарского педагогического института. Любопытно, что в его трудовой книжке всего две записи: о приеме на работу молодого специалиста в 1937 году и об освобождении через сорок лет, в связи с уходом на пенсию. Всю свою жизнь посвятил учитель работе в сельской школе. Не одно поколение учащихся прошло через его руки. С искренней благодарностью отзываются о нем и те, кто волею судеб оказался вдали от Ново-Ивановского, и те, кто продолжает трудиться в родном селе и колхозе «Ленинцы».

Не раз доводилось мне встречаться с Николаем Августовичем. Память его сохранила интересные факты из истории нашего вуза, о судьбах первых выпускников, о преподавателях и событиях той поры. Не без гордости рассказывает он о своих учениках. Ему хорошо известно, как сложились их трудовые биографии, каких успехов они добились. Но с особой теплотой называет имена тех, кому с оружием в руках в годы Великой Отечественной войны довелось отстаивать честь и независимость нашей Родины.

— Были среди моих учеников, — рассказывал Николай Августович во время одной из встреч, — двое очень способных ребят. О них надо обязательно написать. Я имею в виду Таню Прокопенко и Николая Зубаня. По моей рекомендации они поступили на физико-математический факультет пединститута... —

Н. И. Зубань

Он умолк, вспоминая события начала сороковых, потом продолжил:

Это были прекрасные ученики. Таня окончила школу в сороковом году, Коля — годом позже. Много лестных слов можно было бы сказать об обоих. За все годы своей работы не встречал я более одаренного ученика, чем Коля Зубань. Тогда, в сороковом году, думал, что очень близок к открытию выдающегося таланта. Уже в девятом классе мы с ним завершили изучение школьного курса математики и физики. Высокий, стройный русоволосый юноша, он был до застенчивости скромен. Я разрешил ему в десятом классе не посещать моих уроков. Ведь ему не только был знаком этот курс, но он на его основе осваивал самостоятельно высшую математику.

Коля очень много читал. Не всегда и не на все его вопросы удавалось ответить. Ведь многие из них относились не только к физике или математике. Заветной его мечтой было стать авиаконструктором. Поэтому он читал и искал все, что относилось к самолетостроению, конструировал и собирал замысловатые модели летательных аппаратов. Школьники да и взрослые односельчане с интересом

наблюдали за испытательными полетами моделей. И еще одна его страсть очень импонировала мне. Еще в студенческие годы я всерьез увлекался шахматами, участвовал в первенствах института, города и республики. Имел достаточный опыт спортивных встреч. Долгое время на селе не было у меня достойных соперников. Каково же было мое удивление, когда к десятому классу мой ученик не только освоил на хорошем уровне технику шахматной игры, но и предлагал ряд своих интересных задач, и не раз, при игре с ним, вынуждал меня задумываться над тем, как уйти от поражения. Природа щедро одарила его талантом. О том, как сложилась его фронтовая биография, может подробнее рассказать его родная сестра Лидия Ивановна Зубань, которая учительствует в городе Тереке. Здесь вот, рядом со школой, сохранился их домик. Проходя мимо него, я всегда вспоминаю моего юного друга, которому война помешала раскрыть свой талант.

...После встречи с Николаем Августовичем написал я письмо Лидии Ивановне. И вот ее ответ: «...Брат мой, Николай, все годы учебы в школе был отличником. Ему легко давалась учеба. Но любимым предметом была математика, а любимым учителем — Николай Августович. Читал он много не только специальной литературы, но и художественной. Пробовал писать стихи, был непременным участником драмкружка, хорошо играл в волейбол и футбол... Коля с малых лет научился играть на скрипке и очень часто выступал на школьных утренниках и вечерах. Очень быстро овладел он основой музыкаль-

ной грамоты и техникой игры на большинстве музыкальных инструментов, которые были в те годы в селе. Он очень гордился тем, что ему доверяли играть в сельском духовом оркестре. Мне думается, что и музыка, и конструирование моделей, и шахматы — увлечения, в каждом из которых он мог бы добиться немалых успехов. И все же победила математика. И хотя школьный выпускной вечер омрачен был страшной вестью о войне, Коля не оставил мысли о высшем образовании, так как по возрасту он не подлежал призыву в армию. Документы он отправил на физико-математический факультет Кабардино-Балкарского пединститута и был, как отличник, зачислен на первый курс без вступительных экзаменов. В течение первого года учебы в пединституте он ни разу не просил материальной помощи из дома. Напротив, старался из своей стипендии и небольших заработков с друзьями по разгрузке вагонов или рытье канав на опытной станции приобрести и прислать нам хоть какой-нибудь скромный подарок. Отец наш был мобилизован в армию, а мы вдвоем с младшей сестрой, Валентиной, были слабыми помощниками маме. В конце октября сорок первого года вместе со всеми студентами участвовал Коля в строительстве оборонительных сооружений в районе города Прохладного. А в сорок втором году, по окончании первого курса, он был призван Нальчикским городским военкоматом и направлен для прохождения службы в Краснодарское минометно-пулеметное училище, которое к тому времени эвакуировано было в город Ереван. Закончив краткосрочные кур-

сы офицерского состава в звании младшего лейтенанта, Коля получил назначение на должность командира минометного взвода 119-го гвардейского стрелкового полка 40-й гвардейской Енакиевской Краснознаменной стрелковой дивизии, которая вела бои по изгнанию немецко-фашистских захватчиков с юга Левобережной Украины. К сожалению, фронтовые письма его не сохранились. Но мне до сих пор хорошо помнится, что от них веяло оптимизмом, верой в скорую победу над врагом, гордостью за свое прославленное гвардейское соединение. Нам писал, чтобы мы берегли маму, успокаивали и уверяли ее в том, что ему и папе удастся невредимыми вернуться с войны. Младшей сестре советовал больше читать художественной литературы, требовал, чтобы письма ее были обстоятельными, интересными, живыми и грамотными. Рассказывал он о природе Запорожской области, о быте и культуре украинцев, о хозяйке-старушке, у которой ему пришлось некоторое время квартировать.

Но совсем мало воевал Коля. В девятнадцать лет, 23 октября 1943 года, он погиб в бою за деревню Зеленый Гай Васильевского района Запорожской области. Похоронен в балке Сатина южнее Эрастовки... А до конца войны еще одно горестное извещение пришло в нашу семью. В Венгрии в дни последней военной зимы был убит наш отец.

После войны мы с сестрой учились в Кабардино-Балкарском пединституте, окончили его и до нынешних дней учительствуем. Сердечно благодарим за то, что коллектив родного вуза свято хранит память о тех, кто не

вернулся с войны, и что среди занесенных на мемориальные плиты памятника есть имя и нашего брата Николая Зубаня...»

* * *

В первых числах августа сорок второго года к начальнику госпиталя, который размещался в здании средней школы № 1 города Нальчика (в то время по улице Республиканской), приглашены были работавшие медсестрами студентки пединститута.

— В связи со срочной эвакуацией госпиталя, — объявил он, — мы вынуждены освободить вас от работы и откомандировать в распоряжение дирекции пединститута. За хорошую службу выношу вам благодарность и надеюсь, что вы и дальше будете вносить свою лепту в общее дело разгрома захватчиков.

В институте, куда Татьяна Прокопенко пришла с подругами, не могли точно сказать когда нужно было явиться для подготовки к эвакуации. Поэтому девушки решили наведаться домой к родным. Из Нальчика до хутора Баксанского добралась Татьяна без особых трудностей.

Появлению дочери на хуторе родители искренне обрадовались. Три ее брата — Михаил, Иван и Григорий — находились на фронте. Вестей от них давно не приходило. По ночам на севере где-то за Баксаном всенощники, как молнии, разрезали черноту неба, доносился гул приближающегося боя. Чк

делать в этой ситуации? Уходить ли с хутора или оставаться с родителями?

Утром на хутор начали прибывать войска. Недалеко от двора Прокопенко окапывались минометчики. Напротив их дома обосновался командный пункт. Прошло еще несколько дней.

И вдруг, после того, как августовским утром над хутором полетал двухфюзеляжный фашистский разведчик, с левого берега Баксана ударили вражеские орудия и минометы. Над тихим хуторком поднялись клубы черного дыма. Многие хуторяне впервые забились в щели, вырытые в каждом дворе, и с замирающим сердцем ожидали окончания артиллерийского налета. Обстрел сразу изменил обстановку на хуторе. Чувствовалась близость фронта.

Скрытию перегруппировав свои силы, 16 и 17 августа противник обрушил на нашу оборону всю силу своей артиллерии и сумел навести переправу через Баксан, прорвавшись на его правый берег. В районе Ново-Ивановского развернулись упорные бои.

В эти дни Татьяна добровольно приняла на себя обязанности медицинской сестры. Ее можно было видеть с утра и до позднего вечера у санитарного пункта роты, где она перевязывала раненых бойцов, оказывала им первую помощь или обегала соседние дворы, собирая белье для перевязочных средств.

18 августа, как обычно, Татьяна, набрав ведро чистой воды и захватив собранные с вечера бинты и белье, направилась к медпункту.

-- Я видела ее в то утро, -- вспоминает сек-

Т. И. Прокопенко

Татьяна кинулась спасать раненых, которые не могли передвигаться. Не обращая внимания на обстрел, она сумела нескольких бойцов перенести к щели. Оставался один солдат, у которого были забинтованы голова и руки. Таня подтянула его к щели, и в этот момент рядом разорвался снаряд, осколками которого были убиты Татьяна и раненый солдат.

— Едва успели мы занести Татьяну в дом,— рассказывает жена старшего брата Татьяны Екатерина Даниловна,— как обстрел усилился. Кто-то из солдат крикнул, что на хутор движется цепь немецких автоматчиков под прикрытием бронетранспортера. Но защитники хутора отбили эту атаку. Я уже не помню, где раздобыли мы гроб. Но Татьяна была похоронена со всеми почестями, несмотря на то, что в районе хутора це-

ретарь Ново-Ивановского сельсовета Александра Николаевна Денисова,— такой же веселой, жизнерадостной, как и в предыдущие дни. Было жаркое утро. Таня шла к раненым, которые располагались у них во дворе. Мы с ней обменялись несколькими словами и разошлись. А через час враг начал артиллерийский обстрел.

лый день не утихал бой. И только ночью наши части отошли и немцы захватили Новоивановку.

В войну семья Прокопенко потеряла не только Татьяну. На фронтах Великой Отечественной войны погибли три ее брата Михаил, Иван и Григорий. Их имена занесены на памятник, воздвигнутый в центре села Новоивановки. Спасибо Вам, что не забыли Таню...

Так стало известно о судьбах двух воспитанников Ново-Ивановской средней школы и пединститута, которых забрала война. Со студенческой скамьи ушли они в бессмертие.

«ОБУГЛЕННЫЙ ЛИСТОК БИОГРАФИИ»

Теперь уже почти невозможно вспомнить, кто первым назвал имя Александра Дудецкого и сообщил о том, что он учился на литературном факультете Кабардино-Балкарского пединститута. Но окончить успел только первый курс. Война помешала продолжению учебы.

Это о нем и его ровесниках после войны прекрасно сказал писатель Борис Васильев: «...Мы не стали учеными, инженерами, колхозниками. Мы не стали мужьями, отцами, дедами. Мы стали ничем и всем: землей. Поэтому что мы стали солдатами.

...Война переехала и через меня, и, если не запахала, не искалечила, не задушила, тяжесть ее все равно невозможно сбросить с плеч. Она во мне, часть моего существа, обугленный листок биографии...»

А. Я. Дудецкий

тиллериейской бригады на должностях команда-
дира огневого взвода и командира бата-
реи. Прошел фронтовыми дорогами от
Касторной до Берлина. О его ратных за-
слугах красноречиво свидетельствуют боевые
награды. Александр Яковлевич Дудецкий на-
гражден орденами Красного Знамени, Алек-
сандра Невского, Отечественной войны I сте-
пени и Красной Звезды.

Но высокие награды не веернули голову
молодому офицеру. Он вернулся в Нальчик
на студенческую скамью и в 1950 году с от-
личием окончил наш вуз.

«...Годы учебы в пединституте,— пишет Ду-
децкий в одном из писем,— остались в моей
памяти самые прекрасные воспоминания. У нас
были очень квалифицированные, добрые
и заботливые преподаватели, которые делали
все от них зависящее, чтобы дать нам осно-

Армейскую служ-
бу Александр Ду-
децкий начинал рядо-
вым в отряде осо-
бого назначе-
ния Юго-Западного фронта. Позже по-
лучил направление в артиллерийское училище, и после окончания, с апреля 1942 года и до конца войны, служил и воевал в составе 1955-го артполка 4-й истребительно-противотанковой ар-

вательную профессиональную подготовку».

Из Нальчика Александр Яковлевич получил направление в аспирантуру и после ее успешного окончания и защиты кандидатской диссертации более 30 лет трудится в Смоленском педагогическом институте. Ныне он профессор, заведует кафедрой психологии. Выпускники пединститута тепло отзываются о своем учителе, с любовью говорят о нем, как о прекрасном лекторе, подлинном мастере педагогического труда.

В памяти Александра Яковlevича сохранилось немало интересных эпизодов, связанных с войной. В этом я убедился, получив от него звуковое письмо. Вот один из рассказов Дудецкого, переданный в авторском изложении.

«...Сорок первый год. В армию я был призван третьего июля. Вместе со мной уходило еще трое ребят из Нальчика: Яша Рукшин — выпускник школы № 9, Леонид Дымченко и Гена Иванов. Направили нас в одно соединение, но служили мы в разных подразделениях. Я проходил службу в отряде особого назначения капитана Фаизова. Задача его заключалась в том, чтобы бороться с вражескими десантами и подразделениями, оказавшимися в тылах наших войск.

Было чрезвычайно трудно. И не только потому, что порой сутками не спали, что изматывали бесконечные переходы и большие нервные перегрузки. Но главное заключалось в ежечасно изменяющейся обстановке и в том, что приходилось отступать. Порой, едва прибывали на новое место, как следовал приказ на очередной марш. Приходилось наспех

хоронить погибших товарищей и вместо прощального салюта следовал залп по наседавшему противнику. И все же даже теперь приходится удивляться: откуда брались силы? Что помогало нам в те невыносимо трудные дни?

Наверное, я не буду оригинальным, если скажу, что в нашу победу мы верили. Но не только уверенность в победе и высокий дух патриотизма помогали нам преодолевать немоверные лишения фронтовых будней. У нас был прекрасный, мужественный командир, наш армейский учитель капитан Фаизов, который личным примером показывал, как необходимо действовать, служить и воевать. Он был человеком удивительного мужества. Мы все перед ним преклонялись. Какова его судьба, мне неизвестно. Но в том же сорок первом он был тяжело ранен и отправлен в госпиталь...

С именем капитана Фаизова и связано у меня одно личное воспоминание. А было так. Однажды отряд получил задачу уничтожить вражескую группу, проникнуть в отдаленный населенный пункт. Ускоренным маршем мы двигались целый день. Километрах в двух от объекта последовала команда на привал. Командир пригласил трех разведчиков. Поставил им задачу и выставил посты наблюдения. Вскоре от наблюдателей поступили сведения о том, что наших разведчиков обстреляли. Они начали уходить от преследования и уводить вражеских автоматчиков в сторону от дороги, которая вела в деревню.

Капитан Фаизов тут же дал команду на обход населенного пункта. Уже смеркалось

когда мы приблизились к деревне со стороны примыкавшего к ней леса. Командиры взводов получили боевые задачи, выдвинули свои подразделения на исходные рубежи и подготовились к тому, чтобы утром внезапно атаковать противника. Нашему отделению пришлось находиться в боевом охранении на небольшой высотке у огорода крайнего двора. И только мы поднялись на эту высоту, как обнаружили, что находимся на доте, а в нем и в ходах сообщения разместились жители деревни. Они решили на ночь укрыться в доте, на случай нашей атаки на вражескую группу. Один из жителей деревни видел, как наш разведчик, отстреливаясь, отходил к свекловичному полю, расположенному невдалеке, и был то ли ранен, то ли убит, потому что упал около шалаша колхозного сторожа.

Я тут же, предупредив командира отделения, не задумываясь, решил идти на поиски товарища. А вдруг он ранен и нуждается в помощи? Пока шел к кустам, окаймлявшим поле, страха не было. Но стоило зайти в них, как меня охватило совершенно необъяснимое чувство опасности. Малейший шорох вызывал обостренную реакцию. Слух мой начал улавливать звуки, которые были похожи на стоны и призывы о помощи. Огромного усилия воли стоило мне перешагнуть небольшую канавку у края поля. Честно признаться, до того момента я не верил, что от страха могут на голове шевелиться волосы. Состояние было таким, что я не мог двигаться. Ноги меня плохо слушались. Но и возвращаться было стыдно. Тогда я пополз. По пути сначала в руки мне попала винтовка, потом фуражка на-

шего разведчика. А вскоре я больше догадался, потому что в темноте невозможно было рассмотреть, что небольшой бугорок недалеко от шалаша — тело нашего разведчика. Он был убит. Я взвалил его на плечи и направился в обратный путь. Пот заливал мне глаза. Расстояние оказалось бесконечным, но я все же сумел дотащить убитого товарища до боевого охранения.

На рассвете меня вызвал капитан Фаизов. Я шел к нему, рассчитывая, если не на благодарность, то, по крайней мере, на похвалу. Вот, мол, молодец, что пошел на поиски товарища. Капитан Фаизов встретил меня, как всегда, подтянутым, чистым.

Каким-то чудом он уже успел побриться и даже подшить белый подворотничок. Для нас всегда было загадкой, как он умудрялся в тех сложных условиях сохранять такой порядок.

Так вот, обожаемый нами Фаизов встретил меня словами:

— По законам военного времени я должен тебя, Дудецкий, предать суду...

Это было так неожиданно, что невольно подумалось: не шутит ли он? Но он не шутил. И, заметив явное недоумение на моем лице, капитан сказал:

— Не удивляйся и запомни на всю жизнь: нельзя противопоставлять интересам целого подразделения интересы одного человека, какими бы гуманными целями они ни диктовались... Ну это вот так получилось, что удалось пройти незамеченным. А если бы тебя схватили? Я верю, что ты крепкий парень и, наверное, не рассказал бы врагу, что рядом находятся

твои товарищи. Но немцы и сами сообразили бы, что не случайно советский разведчик ползает по свекловичному полю. Они тут же приняли бы все меры бдительности, и наше утреннее нападение, которое строилось на внезапности, утратило бы всякий смысл. Мы лишь понесли бы неоправданные потери и больше ничего. Подумай, сколько жизней тыставил под угрозу своим необдуманным поступком?

И лишь учитывая твою молодость и неопытность, учитывая, что сделал это ты из добрых побуждений, и действия твои не причинили вреда, я прощаю этот проступок. Но на будущее предупреждаю, что вот за подобные действия буду взыскивать самым строгим и беспощадным образом!

Этот урок капитана Фаизова помнится мне всю жизнь...»

ВРЕМЯ НЕ ВЛАСТНО

Невозможно передать чувства, которые испытываешь, когда знакомишься с фронтовыми письмами. Строки этих бесценных свидетельств доносят до нас не только гул канонады, запах пороховой гарни стремительность атак, но и дух того тревожного времени.

Совсем недавно Лидия Батырбековна Гегиева принесла пачку пожелтевших от времени писем брата Хасана, которые бережно хранит все эти сорок лет. Не раз мне приходилось читать письма фронтовиков, но, признаюсь, таких взволнованных и ярких, таких

душевных и откровенных раньше не встречал. Поэтому и не могу не сказать об их авторе хоть несколько слов.

Еще в школьные годы Хасан Гегиев отличался большим прилежанием и серьезным отношением к учебе. Много читал, увлекался точными науками, не раз озадачивал учителей оригинальными ответами и совсем не стандартным подходом к решению сложных вопросов. Ему предсказывали большое будущее. Желание пополнить свои знания привело Хасана на Кабардино-Балкарский педрабфак. Позже стал он студентом физико-математического факультета педагогического института. В связи с войной, учиться пришлось только один год. В июле 1942 года простился он со своими друзьями по учебе и вскоре оказался на фронте. Служил в артиллерийской части. Воевал на Северном Кавказе. С фронта получил направление в артиллерийское училище.

О дальнейшем красноречиво рассказывают письма Хасана Батырбековича Гегиева, написанные своим родным.

«9.01.43 г. ...Я жив и здоров. Учусь на лейтенанта артиллерии. Живем хорошо. Одно только меня угнетало, это то, что я ничего не знал о вас. Теперь, конечно, буду получать от вас письма.

Был на фронте. Был прямой наводкой по немецким танкам. Наши ребята из моего взвода воевали в это время на Нальчикском направлении. Были в Старом Череке и в Старом Лескене. Ведь это же совсем рядом с нашим домом! Когда они приехали, я им

очень завидовал. Мне так хотелось попасть на Нальчикское направление. Понятно, что защищать родные места — это такое чувство, которое нельзя ни с чем сравнить...»

«12.01.43 г. Дорогая сестричка! С июля прошлого года я ничего не знаю о вас. Мне неизвестно, что с вами. Как вы живете? Здоровы ли все? Ведь пережили оккупацию. Особенно меня беспокоит состояние здоровья мамы. Я ведь всегда ее очень любил. И только теперь так остро почувствовал, что это такое. За все время пребывания на фронте я никогда не забывал о вас.

Памятен такой эпизод. Во время одного из боев на наши позиции пошло около 60 вражеских танков. Когда они приблизились к нашему переднему краю, с них соскочили автоматчики, которые бросились в атаку. Шумок был очень сильный. И в этот момент я вспомнил о маме. Поверь, мне было совсем не страшно. Вообще, если хочешь знать, сестренка, я ни разу не струсил даже в самом первом бою (но это, смотри, между нами)».

«16.02.43 г. ...Наконец сегодня получил

Х. Б. Гегнев

сразу два письма: от отца и Лидочки. Радость, охватившая меня, сменилась большим горем. Печальная весть о гибели моих любимых братьев Хацу и Уруси и сестры Худы настолько тяжело подействовала на меня, что это сразу заметили мои сослуживцы. Врагу я буду мстить.

О себе я уже писал. Учусь в артиллерийском училище в Тбилиси. Если будет возможность, по окончании заеду домой. Но на это особенно рассчитывать нельзя. Поэтому прошу вас подробнее написать о событиях, которые произошли в Лескене, о боях, которые велись там...»

«17.03.43 г. ...Из письма Лиды узнал хорошую новость о том, что Лукман [товарищ Гегиева] едет домой. Весть о том, что он жив и здоров, меня очень обрадовала.

Теперь хочу просить вас, как только получите мое письмо, сразу же дайте на него ответ. Дело в том, что в апреле моя учеба заканчивается и письмо может меня не застать в Тбилиси...»

«14.06.43 г. ...Нахожусь пока в резерве. Живу хорошо. Но хочется скорее попасть на фронт. Когда был в Прохладном, очень хотелось видеть вас. Но было некогда. Не огорчайтесь, еще увидимся. А пока до свидания. Обнимаю всех. Ваш сын Хасан».

«31.08.43 г. ...Несколько дней тому назад написал вам письма о фронтовых событиях. Но не было возможности их отправить. Все

время шли бои. Так они со мной и участвовали в боях. Только вчера отиравил их.

Теперь о себе. Работаю, вернее работал, на самоходных орудиях. Это грозное оружие типа видоизмененного танка. 26 августа мы участвовали в бою, и во время атаки была подбита правая гусеница и повреждена справа ходовая часть. Находились мы метрах в ста впереди пехоты. Создалась довольно трудная для нас ситуация. Всю ночь ремонтировали машину. Под утро все уже было в порядке. И вдруг, в четыре часа утра, — артиллерийский налет. Я получил осколочное ранение в левое бедро.

Не беспокойтесь, это ерунда. Приеду в госпиталь, напишу подробнее. Ваш Хасан».

«11.10.43 г. ...Вот и снова я в тылу. Нас привезли в город Лысьву. Городок не особенно большой, вроде нашего Нальчика. Госпиталь хороший. Я удивительно быстро выздоравливаю. Свободно хожу. Рана у меня не особенно тяжелая. Но была большая потеря крови, что получилось вследствие того, что на ранение вначале я не обратил особого внимания. Но теперь от этого ничего не осталось. Пусть дорогая мамаша не беспокоится. Это совсем не нужно.

Не обижайтесь, что от меня редки письма. От вас никак не могу получить писем. Однако вас в этом не виню. Да и на это письмо вряд ли успею получить ответ, потому что за это время, наверное, выпишу из госпиталя...

Когда был в Мичуринске, едва не попал на Кавказ. А там можно было бы и в Нальчик.

Но об этом узнал часом позже. Как жаль...
Но не унываю...»

«23.12.43 г. ...Письмо это пишу из далекого Челябинска. Сюда был направлен на работу. Но для меня невыносимо находиться в тылу, когда там, на западе, добивают фашистскую каналью. Поэтому я попросился в действующую армию, и мою просьбу удовлетворили, а в Челябинск командировали за материальной частью. Месяца через полтора опять отправляюсь на фронт. Воевал я на замечательных машинах. Дело свое люблю. Поэтому жду часа, когда можно вступить в бой...»

«31.05.44 г. ...Шлю фронтовой привет и сообщаю, что только теперь получил первое за три с лишним месяца письмо. Очень рад, что вы все здоровы. А еще больше рад тому, что в такое тяжелое время вы решили дать возможность получить сестренке высшее образование. Я, конечно, не останусь в стороне, тоже буду помогать. Раньше спрашивал, не нуждаетесь ли в деньгах. А сейчас и спрашивать не буду. Высылаю денежный аттестат, по которому будете получать 600 рублей в месяц. Не беспокойтесь, это не составляет и половины того, что я получаю. С большим и горячим приветом любящий вас ваш сын Хасан».

В конце весны 1944 года завершалась подготовка Ленинградского фронта к разгрому финских войск на Карельском перешейке. 394-й гвардейский тяжелый самоходный ар-

тиллерийский полк, где нес службу гвардии младший лейтенант Х. Б. Гегиев, входил в состав 21-й армии, которой предстояло прорвать вражескую оборону на направлении главного удара.

10 июня 1944 года после мощной артиллерийской и авиационной подготовки, продолжавшейся 2 часа 20 минут, наши войска перешли в наступление, с ходу форсировали реку Сестру и продвинулись на 14 километров. На другой день столица Родины — Москва салютовала доблестным войскам 21-й армии. Высокую оценку командования получили смелые действия самоходчиков.

«...Хочу вам сообщить, — писал Лидии Батырбековне однополчанин Хасана Виктор Грибанов, — что геройски действует ваш брат. Он всегда впереди. Его личный пример, его бесстрашие воодушевляют бойцов на подвиги. Я рад, что судьба подарила мне такого боевого друга. Мы все зовем его на русский лад — Саша. Там, где машина Саши, там успех...»

Продолжая наступление, в результате двухдневных ожесточенных боев наши войска прорвали вторую полосу обороны противника с множеством дотов, противотанковых и противопехотных сооружений. В прорыв были введены бронетанковые и механизированные войска, которые с ходу преодолели третью полосу обороны и к исходу дня 20 июня ворвались на улицы Выборга. В результате нанесенного удара была ликвидирована опасность вражеского прорыва северо-западнее Ленинграда.

В те дни Хасан писал домой: «...Нахожусь

сейчас я там, где идет наше наступление. Скоро разгромим в пух и прах и финнов и немцев. Тогда и приеду домой. Обязательно приеду. А пока не беспокойтесь обо мне. Идут бои, и место мое в строю. Крепко, крепко всех обнимаю...»

«17.06.44 г. ...Сейчас мы успешно наступаем. Недалек час победы. Очень рад, дорогая сестренка, что ты учишься. Ты должна оправдать благородное стремление наших милых стариков, дающих возможность учиться в такое тяжелое время. Учись хорошо и будь умницей. Я буду помогать. Воспитательная работа после войны будет почетнейшей. Надеюсь видеть тебя педагогом...»

После взятия Выборга упорные бои продолжались северо-западнее города. Противник подтянул свежие силы, ранее не участвовавшие в боях, и, используя пересеченный характер местности, оказывал упорное сопротивление. Однако, ничто уже не могло остановить наши войска, продвигавшиеся на запад. Но не суждено было Хасану Гегиеву увидеть радостный день Победы.

«Здравствуйте, уважаемый тов. Гегиев!

Пишет это письмо незнакомый Вам товарищ по оружию Вашего сына. Я не знаю, какими словами выразить то, о чем я считаю своим долгом сообщить Вам. 30.06.44 г. мы вели бой за населенный пункт. Ваш сын был на своей машине все время впереди. Но вот от вражеского снаряда его машина вспыхнула. Выскочить из машины никто не успел...

Пушка, которая оборвала жизнь моего дру-

га, была раздавлена нашей машиной. Мы уничтожили и весь расчет. Все наше подразделение поклялось отомстить за Сашу. И свою клятву мы сдержали. В первом же бою уничтожили вражескую батарею и более 40 вражеских солдат и офицеров. Этот счет будет расти. Извините за нескладное письмо. Но я не могу спокойно писать это письмо, когда нет рядом всегда веселого Саши. С уважением к Вам Давидzon Б. М.»

«...Уважаемый Батырбек! В боях за Советскую Родину с немецко-фашистскими захватчиками Ваш сын, гвардии младший лейтенант Хасан Батырбекович Гегиев, верный воинской присяге, 30 июня 1944 года погиб смертью храбрых на поле сражения. Ваш сын был бесстрашным и смелым воином, беззаветно преданным своей любимой Родине. Его героические подвиги по достоинству оценены. Приказом командующего бронетанковыми и механизированными войсками 21-й армии от 13 июля 1944 года командир самоходной установки 394-го гвардейского Краснознаменного ордена Кутузова тяжелого самоходного артиллерийского полка гвардии младший лейтенант Гегиев Х. Б. награжден орденом Отечественной войны I степени за № 220477.

Высылаем награду Вашего сына. Храните орден, как память, и гордитесь тем, что Ваш сын был честным и храбрым воином, отдавшим жизнь за свободу и счастье нашей Родины. Желаем Вам здоровья на многие годы.

Командир полка гвардии подполковник Вейсман».

А был Хасану Гегиеву всего 21 год. Но в

ту пору рано мужали юноши. Только поэтому таким духом патриотизма и гражданственности, уверенностью в нашей победе и высоким чувством сыновнего долга перед Родиной проникнуты строки его писем. И поэтому над ними время не властно.

ГЕОГРАФИЯ ПОДВИГА

Возвращаясь к событиям военного лихолетья, я невольно ловлю себя на мысли: как ни мал был коллектив нашего вуза, а почти на каждом участке огромного фронта от Северного Ледовитого океана до Черного моря в боевых действиях Советской Армии и партизанских соединений от первого и до последнего залпа Великой Отечественной войны активное участие принимали студенты, выпускники, сотрудники и преподаватели Кабардино-Балкарских педагогического и училищного институтов. Многие из них пали смертью храбрых. Вечная им слава...

Долгие годы велся поиск. Требовалось установить имена героев, собственной жизнью заплативших за нашу победу. В знак негасимой памяти об их подвиге у здания главного корпуса Кабардино-Балкарского государственного университета воздвигнут вузовский мемориал. 115 фамилий занесено на его мраморные плиты. О высоком и прекрасном чувстве советского патриотизма и любви к Родине, беспримерном мужестве и проявленном в боях героизме воспитанников и преподавателей вуза рассказано на страницах многотомной «Боевой славы Кабардино-Балка-

рии», в книгах «Поиск продолжается» и «Долг памяти».

А в подтверждение сказанного выше хочу привести лишь несколько наиболее ярких примеров столь обширной географии подвига.

22 июня 1941 года, в самый первый день войны, у ворот Брестской крепости встретил с оружием в руках немецко-фашистских захватчи-

ков выпускник литературного факультета пединститута Султан Джумукович Баучиев. Вместе со своими боевыми товарищами из артиллерийской батареи 42-й стрелковой дивизии принял он неравный бой и навечно стал в строй славных защитников крепости-героя.

Выпускник физико-математического факультета Умати Аслангериевич Макоев окончил военно-морское училище и участвовал в боевых операциях Северного флота.

В труднейших условиях Советского Заполярья, у кромки континента довелось воевать студенту исторического отделения учительского института Хапату Айдаруковичу Хаеву. 45-я стрелковая дивизия, в которой он служил, героически обороняла подступы к городу-герою Мурманску.

На Кольском полуострове в 110-м отдель-

У. А. Макоев

ном батальоне воздушного наблюдения, оповещения и связи осваивала первые радиолокационные установки студентка пединститута Лидия Васильевна Харитоненко (Некрасова). И надо же было так случиться, что именно в ее дежурство пришлось наводить на вражескую цель наш истребитель, который pilotировал известный на Северном флоте летчик Петр Романов, ее одноклассник по нальчикской средней школе № 3.

Совсем недалеко от станции Лоухи Кировской железной дороги высится монумент воинам 88-й стрелковой дивизии, которые в смертельной схватке с противником не простили его на Колский полуостров и в неизмензающий порт Мурманск. В полках и подразделениях усиления дивизии сражалось немало воспитанников вуза. Смертью храбрых в тех боях пал выпускник физико-математического отделения учительского института Василий Семенович Генералов. После тяжелого ранения в Беломорском госпитале скончался политрук 933-го стрелкового полка Шис Муготович Бленаов. В 1937 году, будучи студентом пединститута, он участвовал в известном байдарочном походе отважной девятки спортсменов из Кабардино-Балкарии в Москву.

«...Передавайте сердечный привет мамаше,— писал с Карельского фронта выпускник исторического отделения Хап Буевич Бельгушев.— Пусть не беспокоится. Я выполню свой долг перед Родиной. Ибо Родина, родная наша земля, вскормила и вырастила нас. Мы ее должны защищать от врага». Слово свое он сдержал с честью.

На дальних подступах к Ленинграду встретила захватчиков 168-я стрелковая дивизия. В ее составе студенту химико-биологического факультета Виктору Григорьевичу Иванову довелось участвовать в боях, испытать горечь первых отступлений и потерю товарищей по оружию. Позже служил он в Ладожской военной флотилии, участвовал в прикрытии известной «Дороги жизни». Все послевоенные годы кандидата биологических наук, доцента В. Г. Иванова связаны с преподавательской и общественной деятельностью в КБГУ.

Защищая Прибалтику, в первую неделю войны погиб студент литературного факультета Шамагио Семенович Давыдов.

Из Центрального архива Министерства обороны СССР получены сведения о выпускнике исторического факультета С. Х. Балкарове: «...В картотеке учета политестата Советской Армии и Военно-Морского Флота значится: Балкаров Сафарби Харунович, политрук стрелковой роты 1270-го стрелкового полка, 9 июня 1942 года скончался от ран в эвакогоспитале № 3810 и похоронен в дер. Костылево Чудовского района Ленинградской области (в настоящее время Новгородская обл.)».

Храбро сражались на Волховском фронте выпускник химико-биологического факультета Евгений Иванович Воронков, студенты Муаед Литович Казиев и Абузед Исхакович Теунов. О смелых действиях командира орудия 349-го отдельного зенитно-артиллерийского дивизиона А. И. Теунова сообщалось в одной из сводок Совинформбюро. Погиб Абузед Исхакович 11 сентября 1942 года.

И. И. Хализов

От Гродно до столицы Белоруссии с боями отходили полки 56-й стрелковой дивизии. Не раз попадали во вражеское окружение. В районе Минска остаткам батальона, в котором воевал выпускник исторического отделения учительского института Мурадин Тазиевич Леванов, так и не удалось пробиться на восток. Под фамилией Ивана Ивановича Кузина сражался он в партизанском отряде «За Отечество» бригады «Штурмовая» до освобождения Минска. Выпускник литературного факультета Евгений Владиславович Вильсовский был комиссаром Осинторфского комсомольско-молодежного подполья. О его подвигах ярко рассказано в книге «Партизанская республика» бывшего начальника штаба партизанского движения Белоруссии, второго секретаря ЦК КП(б) Белоруссии Петра Захаровича Калинина.

В единственном сохранившемся письме родителям студента географического отделения учительского института старшего лейтенанта Ивана Ильича Хализова есть такие строки: «...Еще сообщаю, что теперь на свободной Советской земле. С 1 августа 1941 года находился в партизанском отряде в тылу вра-

га. За это время исколесил всю Смоленскую область и Белоруссию. Теперь свою службу буду продолжать в рядах Красной Армии. Буду продолжать уничтожать кровавый фашизм...» По учетным данным партархива Института истории партии при ЦК КП Белоруссии значится, что Иван Ильич Хализов, 1918 года рождения, уроженец станицы Солдатской КБАССР, до марта 1944 года числился партизаном отряда, затем 425-го партизанского полка Могилевской области в должностях: связного, командира роты, с 15 ноября 1943 года помощника начальника штаба полка. Свое обещание родителям выполнил он с честью. При освобождении польского города Быдгощ командир стрелковой роты старший лейтенант И. И. Хализов получил тяжелое ранение и 4 февраля 1945 года умер от ран в госпитале. Похоронен он на братском кладбище города Шубин.

В историю Великой Отечественной войны советские воины вписали славную страницу, сорвав план немецко-фашистского командования — окружить и уничтожить у Смоленска войска Западного фронта. Впервые мощная группировка фашистской армии вынуждена

С. П. Козликин

Х. Х. Сабанов

была перейти к обороне в районе «Смоленских ворот». Многим воспитанникам нашего вуза довелось принимать участие в этом сражении. Здесь в конце июля 1941 года смертью храбрых пал студент физико-математического факультета командир отделения 879-го стрелкового полка Степан Павлович Коалихин, свой по-

следний бой приняли выпускник литературного факультета Мурат Сулайманович Кучмезов и историк Магомет Хаджиевич Хазнаев.

В приграничных боях первых дней войны и в первом успешном контрнаступлении 99-й Краснознаменной стрелковой дивизии в районе Перемышля принимал участие студент исторического факультета Жираслан Касимович Эфендиев.

Сформированная в Кабардино-Балкарии 175-я стрелковая дивизия участвовала в обороне города-героя Киева. В ее составе воевали выпускник исторического отделения Хазраил Хапашевич Огурлиев, математики Петр Герасимович Никитин, Хаути حاجибекирович Сабанов, Владимир Николаевич Дедков, лаборант педагогического института Михаил Никитович Немов и другие.

Немало подвигов совершили воспитанники

вуза в дни героической обороны столицы Родины и в период контрнаступления наших войск под Москвой. Свой вклад в разгром захватчиков внесли историк Зачи Мударович Темботов, химик Михаил Петрович Доценко, математик Виктор Николаевич Суровцев и многие другие. Студенту литературного факультета, политруку роты 145-го моторизованного батальона Михаилу Фомичу Харенко довелось участвовать в оборонительных боях на ближних подступах к Москве, а затем наступать от Красной Поляны до Гжатска. 24 января 1942 года во время боя в районе населенного пункта Карманово М. Ф. Харенко пал смертью храбрых.

Выпускник физико-математического факультета 1941 года Дмитрий Григорьевич Алоев в составе 5-й гвардейской стрелковой дивизии и его однокурсник Александр Матвеевич Прокопов участвовали в обороне города-героя Тулы.

25 июня 1941 года в районе Львова вступила в бой с захватчиками 32-я танковая дивизия, в которой служили студенты нашего вуза Хамид Гисович Апажев, Яков Никитич Алтухов и Александр Георгиевич Павлюк.

В музее героической обороны и освобождения Севастополя бережно хранятся реликвии минувших сражений. Есть среди них и сведения о подвиге, совершенном во время штурма высоты Безымянной студентом исторического факультета, старшиной 570-го стрелкового полка 227-й стрелковой дивизии Хаймударом Асхадовичем Сасиковым. Под Керчью был ранен выпускник исторического факультета Сергей Григорьевич Хвостенко, командо-

Х. Х. Тубеев

Дону и на Волге. У стен Стalingрада сражались многие студенты, выпускники и преподаватели вуза.

В оборонительных боях на Северном Кавказе участвовали преподаватели вуза Андрей Иваюлович Щеголев и Петр Никифорович Панин, студент физико-математического факультета командир стрелковой роты 665-го стрелкового полка 216-й стрелковой дивизии Виктор Николаевич Байтуганов, выпускник исторического факультета секретарь партийного бюро 103-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка Семен Аронович Михайлов, рядовые 761-го стрелкового полка 317-й стрелковой дивизии Владимир Иосифович Цымбал и Георгий Иванович Кукарин, студенты литфака Хамид Назирович Камбиев и командир минометного взвода

вавший стрелковой ротой, — осколок тяжело ранил его в грудь и пробил комсомольский билет, который хранится ныне в вузовском Музее боевой и трудовой славы.

Студент литературного факультета Хамид-Хан Хамидович Башлоев в составе 378-го отдельного танкового батальона 173-й танковой бригады участвовал в боях на

248-го стрелкового полка 31-й стрелковой дивизии Хату Мажбиевич Яганов и многие другие.

В десантной операции по освобождению Новороссийска участвовали студент физико-математического факультета командир отдельного батальона 255-й отдельной бригады морской пехоты капитан Хаким Хажиумарович Тюбеев и выпускник химико-биологического факультета матрос Черноморского флота Иван Николаевич Новосельцев.

Список этот можно было бы дополнить именами тех, кто принимал участие и в других боях и операциях Великой Отечественной войны, участвовал в изгнании захватчиков с родной земли, в освобождении от фашизма народов Европы. Поистине беспредельна география подвига участников войны только одного небольшого коллектива нашего вуза.

Завершая рассказ об этом, твердо убежден, что грядущие поколения студентов не раз будут возвращаться к огневым годам Великой Отечественной войны, восхищаясь подвигами своих предшественников, черпая в этих подвигах мужество и отвагу, чтобы быть достойными гражданами социалистической Родины.

СОДЕРЖАНИЕ

На Крымском фронте	3
Отчизне — стих и подвиг	12
Пока бьется сердце	19
Ради мира на земле	24
Верность детям	32
Учитель, перед именем твоим	39
Тюльпаны к Мамаеву кургану	46
Выстояли и победили	51
Юность комсомольская моя...	59
«Пусть никогда не повторится»	67
Подвиг живет вечно	74
Письма военных лет	82
Комсогр батальона	92
Через годы, через расстояния...	100
«Эта память — наша совесть»	107
От Орджоникидзе до Праги	112
Быть на линии огня	118
Ушли в бессмертие	125
«Обугленный листок биографии»	133
Время не властно	139
География подвига	148